

FANTASTIKA

PRINCE OF THORNS

Mark Lawrence

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2012

ПРИНЦ ТЕРНИИ

Марк Лоуренс

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2012

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
Л 81

Prince of Thorns
Copyright © Mark Lawrence, 2011

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates
and Synopsis Literary Agency

Cover illustration by Victor Manuel Leza Moreno

Перевод с английского Лидии Дукорской

ISBN 978-5-91878-058-9

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2012

*Хотел бы поблагодарить за помощь и поддержку
Хелен Мазаракис и Шерон Мак*

Посвящается Селин. Лучшее неотъемлемо

Беанан

Нортардия

Топи Кена

Ордант

Мэн

Лимож

Арро

Конот

Гуг
река Рейм

Ремс

Красный Замок

Люкс

Крат

Анкрат

река Сейн

Высокогорья Ренара

Лозово

Геатет

река Лурри

Лион

100 миль

1

Вороны! Вечно эти вороны. Они расселись на фронтонах церкви прежде, чем умирающие испустили дух. Прежде, чем Райк прекратил отрубать пальцы и снимать с них кольца. Прислонившись к столбу виселицы, я кивнул птицам. Дюжина воронов выстроилась в одну черную линию, их умудренные глаза следили за происходящим.

Местная площадь заалела. Кровь повсюду: в сточных канавах, на выложенной плиткой мостовой, в фонтане. Люди так окоченели, что сразу было видно – трупы. Одни уморительно вытянули вверх беспальные руки, другие скорчились. Мухи роились над теми, кто еще был способен их отогнать. Одни отключились, другие притворялись, но всех выдавало назойливое стечение.

– Воды! Воды! – Умирающие вечно просят воды. Удивительно, но убийство вызывает жажду и во мне.

Местечко называлось Маббертон. Две сотни фермеров валялись со своими косами и топорами. А ведь я предупреждал, что убийство – наше ремесло. Сказал их предводителю, Бовиду Тору. Дал им шанс, всегда

даю. Но нет. Они захотели крови и бойни. И они ее получили.

Война, друзья мои, прекрасная штука. Несогласный – проигрывает. Потрудись я подойти к старому Бовиду, подпирающему спиной фонтан и разглядывающему вывалившиеся на колени кишки, возможно, услышал бы другое мнение. Однако посмотрите, к чему привело его несогласие.

– Нищие деревенские говнюки! – Райк высыпал целую горсть отрубленных пальцев на распоротое брюхо Бовида. Затем подошел ко мне, выставив свою добычу так, словно здесь была моя вина. – Смотри! Одно золотое кольцо. Одно! Такая орава – и одно гребаное золотое кольцо. Хотел бы я оживить выроdkов, чтобы расправиться с ними снова. Чертовы вонючие фермеры.

И он бы действительно так сделал, злобный ублюдок по натуре, еще и жадный. Я выдержал его взгляд:

– Успокойся, брат Райк. Это не все сокровища Маббертона. – И предостерегающе посмотрел на него.

Его ругань разрушила всю магию окружающей картины; более того, надо быть с ним построже. После сражения Райк всегда на взводе, ему вечно мало. Я дал понять: у меня припасено нечто большее. Нечто, способное удовлетворить даже его. Он что-то проворчал, спрятал окровавленное кольцо и засунул нож за пояс.

Затем подошел Макин и потрепал нас латной рукавицей по наплечникам. Был у него такой талант – сглаживать конфликты.

– Брат Йорг прав, Малыш Райки. Здесь еще много припрятанных сокровищ. – Он имел обыкновение называть Райка «Малыш Райки», поскольку тот был на голову выше любого из нас и раза в два шире. Ма-

кин вечно травил анекдоты. Он втюхивал их даже тем, с кем рубился, конечно, если у них оставалось на это время. Ему нравилось наблюдать, как они умирают с улыбкой.

– Каких сокровищ? – полюбопытствовал все еще рассерженный Райк.

– Когда имеешь дело с фермерами, что еще ты всегда от них получаешь, Малыш Райки? – намекнул Макин, выгнув бровь.

Райк поднял забрало, выставив напоказ свое уродливое лицо. Ладно, скорее грубое, чем уродливое. Убежден, что шрамы его только украшали.

– Коров?

Макин скривил губы. Мне они никогда не нравились, слишком толстые и мясистые, но я прощал ему это за анекдоты и виртуозное умение обращаться с цепом.

– Ну, ты можешь поймать коров, Малыш Райки. Лично я собираюсь найти дочурку фермера или даже троих до того, как остальные перепробуют их всех.

Они отправились на поиски, при этом Райк издал свой коронный смешок «кхе-кхе-кхе», словно пытался выплюнуть застрявшую в глотке рыбную кость.

Посмотрел, как они выбили дверь в доме Бовида, стоявшем прямо напротив церкви. Хороший такой дом, с высокой, покрытой деревянной черепицей крышей и небольшим цветником перед входом. Бовид проследил за ними взглядом, голову ему было уже не повернуть.

Глянул на воронов, затем на то, как Джемт и его слабоумный братец Мейкэл собирают головы. Мейкэл управляется с телегой, Джемт – с топором. Говорю же, прекрасная штука – война. Особенно если ты сторонний наблюдатель. Конечно, от нее воняет. Впрочем,

очень скоро мы сожжем тут все, и вонь исчезнет вместе со столбом дыма. Золотые кольца? Для начала и этого довольно.

– Малец! – позвал Бовид. Голос глухой и слабый.

Подошел и встал перед ним, опершись на меч, внешне почувствовав в руках и ногах усталость.

– Лучше поторопись, фермер. Брат Джемт со своим топором уже близко. Слышишь небось «хрясь-хрясь»?

Казалось, это его не слишком трогает. Трудно чем-то взволновать человека, который вот-вот станет праздничным обедом для червей. Но то, что держался он со мной так непочтительно и назвал «мальцом», раздражало.

– У тебя есть дочери, фермер? Может быть, они прячутся в погребе? Старина Райк все равно разнохает, где они.

Взгляд Бовида метнулся вверх, пристальный и наполненный болью.

– С-сколько тебе лет, малец?

Опять «малец».

– Достаточно, чтобы распороть твоё брюхо, словно толстый кошель богача, – ответил я, разозлившись. Мне не нравится, когда я злюсь. И от этого злость становится лишь сильнее. Похоже, он этого не понимал. Не думаю, будто осознавал даже то, что именно я выпотрошил его не более получаса тому назад.

– Пятнадцать лет, не больше. Не может быть больше... – Слова медленно слетали с посиневших губ на смертельно бледном лице.

«На два меньше», – ответил бы я, но он все равно уже не услышит. За спиной скрипнула телега, с окровавленным топором подошел Джемт.

Принц Терний

– Голову возьмите, – приказал я, – а жирное брюхо оставьте воронам.

Пятнадцать! Вряд ли, когда мне стукнет пятнадцать, я все еще буду совершать набеги на деревни.

К тому времени, когда мне исполнится пятнадцать, я стану королем!

**Есть люди, которые раздражают тебя
самим фактом своего рождения.
Брат Джемт был рожден, чтобы
раздражать весь мир.**

2

Маббертон горел просто замечательно. Этим летом все деревни полыхали на славу. Макин называл это выжигающее лето ублюдочным, слишком жадным, чтобы послать дождь, и был прав. Когда мы сюда въезжали, за нами поднималась пыль; когда выезжали – столб дыма.

– Кто хочет быть фермером? – Макин обожал задавать вопросы.

– А кто – дочерью фермера? – Я кивнул в сторону Райка, устало покачивавшегося в седле с тупой ухмылкой на лице и лоскутом парчи на полупластине доспехов. Где он раздобыл парчу в Маббертоне – тайна, покрытая мраком.

– Брат Райк наслаждается простыми радостями жизни, – усмехнулся Макин.

И он действительно наслаждался. Был жаден до них, как огонь, уничтожавший все вокруг.

Языки пламени пожирала Маббертон. Я забросил факел на соломенную крышу таверны, жар сразу погнал нас прочь. Просто еще один чертов день в истории нашей Разрушенной Империи, которая уже долгие годы корчится в предсмертной агонии.

Макин вытер пот со лба, перепачкавшись сажей. Вымазываться у него был настоящий талант.

– А ты сам погнушался бы этих радостей, брат Йорг?

Не мог с ним не согласиться. «Сколько тебе лет?» – хотел узнать тот жирный фермер. Достаточно, чтобы наведаться к твоим дочуркам. Толстуха все пыталась нечто вещать, как и ее папаша. Верещала – не заткнуть, аж уши заложило. С той, что постарше, было попроще. Тихоня, но пришлось потрудиться, проверяя, не померла ли со страха. А как огонь добрался, небось обе взвыли...

Подъехал Джемт и вернул нас к реальности:

– Люди барона заметят дым миль¹ за десять. Не надо было поджигать, – тряхнул башкой, дурацкая грива рыжих волос колыхнулась в такт.

– Не надо было, – проорал брат-идиот с лошаденки серой масти. Мы разрешили ему ехать на старой кляче, запряженной в телегу. Кобыла не свернет с дороги. Она умнее Мейкэла.

Джемт всегда цеплялся по мелочам. «Тебе не стоило скидывать трупы в колодец, теперь мы будем мучиться от жажды». «Тебе не надо было убивать того священника, теперь от нас отвернется удача». «Обращайся мы с ней помягче, получили бы выкуп от барона Кенника». Всякий раз я просто сгорал от желания вогнать клинок ему в шею. «В чем дело? Что ты булькаешь, брат Джемт? Не стоило протыкать твой выпяченный кадык?»

– О нет! – воскликнул я, словно громом пораженный. – Скорее, Малыш Райки, беги, пописай на Маббертон. Нужно потушить пожар.

---

¹ *Миля* – мера измерения расстояния в США, Великобритании, других странах, равная 1609 метрам. (Здесь и далее прим. пер.)

– Люди барона увидят огонь, – затанул свое Джемт, упрямый и красномордый. Он всегда краснел, как свекла, стоило его разозлить. И это красное мурло еще сильнее разожгло во мне желание прибить его. Тем не менее я сдержался. Когда ты предводитель, появляются определенные обязанности. Не стоит злоупотреблять убийством своих людей, иначе кем ты будешь командовать?

Остальные сбились в кучу вокруг нас. Как и всегда, чуть что не так. Я натянул поводья Геррода. Он, заржав и ударив копытом, замер. А я смотрел на Джемта и ждал. Ждал, пока соберутся все тридцать восемь братьев. Джемт раскраснелся – вот-вот из ушей кровь брызнет.

– Куда мы все направляемся, братья мои? – спросил я, приподнявшись в стременах для лучшего обзора их уродливых рож. Задал вопрос негромко, все затихли, чтобы лучше слышать. – Куда? – повторил я. – Или только я это знаю? Разве у меня есть от вас секреты, братья?

Райку стало как-то неловко, он нахмурился. Толстяк Барлоу занял позицию справа от меня, слева встал нубанец, белоснежные зубы сверкают на черном, словно вымазанном сажей, лице. Молчание.

– Брат Джемт может поведать. Он знает, что нам следует делать, а чего нет, – улыбнулся я, хотя руки так и чесались дотянуться до его шеи. – Куда мы направляемся, брат Джемт?

– В Уэннит на Лошадиный Берег, – весьма неохотно ответил он, не желая ни с чем соглашаться.

– Замечательно. А как мы собираемся туда добратся? Без малого сорок всадников на великолепных ворованных лошадях?

Джемт сжал челюсти, пытаясь понять, что я имею в виду.

– Как мы собираемся добраться туда, если хотим урвать кусок пирога, пока тот еще вкусен и горяч? – вопрошал я.

– Дорогой Нежити! – вскричал Райк, довольный, что знает ответ.

– Дорогой Нежити, – тихо повторил за ним я, все еще улыбаясь. – Каким другим путем мы можем пойти? – посмотрел на нубанца, вглядываясь в темные глаза. Я не мог читать его мысли, но позволял ему читать свои.

– Другого пути нет.

«Райк в ударе, – решил я. – Не знает, какая именно игра разыгрывается, но балдеет от своей роли».

– А люди барона знают, куда мы направляемся? – спросил Толстяка Барлоу.

– Старые вояки всегда следуют за войной, – ответил тот. Толстяк Барлоу не глупец. Подбородки колышутся, когда говорит, но не глупец.

– Итак... – неспешно обвел я всех взглядом. – Итак, барон знает, куда направляются бандиты вроде нас, и знает, какой дорогой мы поедem. – Я подождал, пока слова дойдут до их сознания. – А еще я разжег огромный костер, который подскажет ему и его людям, насколько глупо следовать за нами.

Тут-то я и ударил Джемта ножом в шею. Мне совсем необязательно было так поступать, но уж очень хотелось. Он довольно долго дрыгался, кровь пузырилась и булькала, потом свалился с лошади. Его красная физиономия очень быстро побледнела.

– Мейкэл, – позвал я, – возьми его голову.

И он взял.

Джемт просто выбрал неподходящий момент.

**Что бы ни случилось, брат Мейкэл
оставался невозмутимым.**

**Он был крепким, выносливым
и угрюмым, впрочем, как и остальные.
Только вот спрашивать его о чем-либо
не имело смысла.**

3

– Два трупа и два живых висельника. – Макин улыбнулся во весь рот.

Нам все равно бы пришлось разбить лагерь у виселицы, но Макин проскакал вперед, чтобы осмотреть местность. Известие о живых заключенных в двух из четырех висельных клетках, надеюсь, обрадует братьев.

– Двое, – проворчал Райк. Он сильно вымотался, а уставший Малыш Райки считает виселицу пустой, даже если половина ее обитателей жива.

– Двое! – передал нубанец по цепочке.

Заметил, как кое-кто достает монетки, делает ставки. Дорога Нежити была скучна, как воскресная проповедь. Прямая и гладкая. Настолько прямая, что, казалось, удавился бы за любой зигзаг. Настолько гладкая, что возблагодарил бы за мельчайшую неровность. По сторонам – топи и комары, комары и топи. И нет ничего лучше на Дороге Нежити, чем обнаружить двух живых висельников в клетке.

Почему-то меня не насторожила виселица в совершенно безлюдном месте. Более того, я посчитал это подарком судьбы. Некто бросил узников подышать,

подвесив в клетках на краю дороги. Место, конечно, выбрано странное, зато бесплатное развлечение для моего небольшого отряда обеспечено. Братья буквально рвались в бой, пришлось пустить Геррода вскачь. Славный конь Геррод стряхнул усталость и понесся с громким цокотом. Ну по какой еще дороге, кроме как по Дороге Нежити, можно с таким цокотом нестись во весь опор?

– Висельники! – проорал Райк, и все пришпорили лошадей, стараясь не отстать друг от друга.

Я ослабил поводья, предоставив Герроду свободу. Он не позволит ни одной лошади обогнать себя. Только не на такой дороге. Только не здесь, где каждый ярд¹ вымощен плиткой, пригнанной одна к другой настолько плотно, что ни одна травинка не пробьется к свету. Ни одной потертости или выбоины. И, заметьте, все это посреди топей!

Неудивительно, что до висельников я доскакал первым. Никто не смог тягаться с Герродом. Особенно со мной в седле, ведь остальные всадники тяжелее раза в два. У виселицы обернулся, интересно было посмотреть, как братья растянулись вереницей вдоль дороги. И закричал, ошалев от радости, да так громко, что, казалось, этого с лихвой хватит для воскрешения голов в телеге. Джемтова тоже где-то среди них, подпрыгивает сверху.

Макин стал вторым, хотя это расстояние он покрыл уже дважды.

– Пускай люди барона нагоняют нас, – сказал я ему. – Дорога Нежити не хуже любого моста. Здесь десяток сможет сдержать целую армию. Те, кто попытаются напасть с флангов, завязнут в болоте.

---

¹ *Ярд* – мера длины, равная 3 футам или 91,44 сантиметра.

Макин кивнул, стараясь отдышаться:

– Построившие эту дорогу... пусть бы возвели мне замок... – Оглушительный раскат грома на востоке приглушил его слова. – Возводи они замки вместо дороги, нам никогда бы сюда не добраться, – заметил Макин. – Радуйся, что их тут нет.

Мы наблюдали за подъезжающими братьями. Закат окрасил топи в оттенки оранжевого, словно расплзшиеся языки пламени. Вспомнился Маббертон.

– Хороший денек, брат Макин, – произнес я.

– Воистину так, брат Йорг, – согласился он.

Наконец все братья прибыли и тут же затеяли свару из-за висельников. Я пошел и сел у телеги с трофеями, чтобы почитать, пока светло и не начался дождь. Сегодня под настроение захотелось обратиться к Плутарху. Он был в моей власти, втиснутый в кожаный переплет. Некий почтенный монах потратил на книгу свою жизнь. Целую жизнь провел, сгорбившись с кистью в руке. В ней золотом расписаны ореол, солнце и завитки орнамента, а синий фон – синее полуденного неба. Крошечные ярко-красные точки сливаются в цветочную гирлянду. Возможно, он даже ослеп, тот монах. Посвятил жизнь без остатка одной книге, смолоду и до седой старости, расцветчивая древние высказывания Плутарха.

Прогрохотал раскат грома, висельники извивались и завывали, а я сидел и читал слова, написанные задолго до строительства Зодчими дорог.

– Вы трусы! Бабы с мечами и топорами! – Закуска для воронов на виселице решила подать голос. – Нет среди вас ни одного мужика. Педерасты, прискакавшие следом за мальчишкой! – В конце фразы послышался мерссийский говорок.

– Брат Йорг, тут у одного приятеля имеется мнение насчет тебя! – позвал Макин.

Капля дождя упала на нос. Я захлопнул Плутарха. Он ждал довольно долго, чтобы поведать мне о Спарте и Ликурге, сможет еще немного подождать, к тому же не промокнет. Висельник не унимался, я позволил ему высказать все моей спине. В дороге книгу приходится хорошо заворачивать, чтобы не промокла под дождем. Десять оборотов промасленной ткани в одну сторону, еще десять в другую, затем спрятать в седельную сумку и прикрыть плащом. Только помните: сумка должна быть добротной, не каким-то хламом из Тертанов, обязательно из хорошей кожи и с двойным швом, естественно с Лошадиного Берега.

Братья посторонились, освободив мне проход. От виселицы смердело еще хуже, чем от телеги с головами, грубо сбитая штукавина из свежесрубленной древесины. К ней было подвешено четыре клетки. В двух – трупы. Очень даже давнишние трупы. Между прутьями решеток свисали ноги, обклеванные воронами до самой кости. Мухи облепили их, наподобие второй кожи, черной и жужжащей. К одному из живых висельников успели приложиться парочку раз, отчего радостнее тому не стало. На самом деле, они могли бы добить его, что, безусловно, стало бы огромной потерей, поскольку целая ночь была впереди. Хотелось обложить парой ласковых этих идиотов, но разговорчивый висельник меня опередил.

– А вот и мальчишка! Уже закончил рассматривать похотливые картинки в краденой книжке. – Узник сидел в клетке на корточках, изодранные ноги кровоточили. Старик лет сорока с черными волосами, седой бородой и полыхающими гневом темными глазами. – Вырви странички и подотри ими зад, юнец, – выпалил он, внезапно схватившись за прутья решетки, отчего

клетка заходила ходуном. – Хоть какая-то от них будет польза.

– Пожалуй, стоит поджарить его на медленном огне, – предложил Райк, поняв, что старик пытается нас разозлить в надежде на быструю смерть, – на таком, какой разводили у виселиц Терстона.

Послышались смешки. Но Макин не засмеялся. Он всматривался в висельника, нахмурив грязное, вымазанное сажей лицо. Я рукой подал знак угомониться.

– То была бы постыдная потеря прекрасной книги, отец Гомст, – произнес я назидательно.

Несмотря на бороду и космы, я, как и Макин, узнал его. Правда, не услышь мы акцента, поджарили бы его заживо.

– Особенно если это «О Ликурге», написанном высокой латынью, а не на пиджин¹-романском, которому учат в церкви.

– Ты меня знаешь? – спросил узник дрогнувшим плаксивым голосом.

– Конечно знаю. – Я запустил руки в свои прекрасные локоны и откинул их назад, чтобы тот смог хорошенько разглядеть, кто стоит перед ним в сгущающихся сумерках: всех Анкратов отличает смуглая внешность. – Вы, отец Гомст, запомнились мне по школьным годам.

– П-прин... – Теперь он рыдал, не в силах произнести ни слова. Просто отвратительно, по правде говоря. Я почувствовал себя так, словно проглотил гнилушку.

---

¹ *Пиджин* – гибридный язык, возникший в условиях межъязыковых контактов; использует лексику одного языка и грамматику другого. Например, креольский язык и язык койне.

– Принц Онорос Йорг Анкрат к вашим услугам, – раскланялся, словно мы были при дворе.

– Ч-что случилось с капитаном Бортой? – Отец Гомст слегка покачивался в клетке, совсем сбитый с толку.

– Капитан Борта, господин! – Макин отсалютовал и выступил вперед, перепачканный кровью другого висельника.

Воцарилась гнетущая тишина. Даже шорохи и стрекотание с топей едва улавливались. Братья с разинутыми ртами переводили взгляд с меня на священника и обратно. Малыш Райки был изумлен сильнее, чем если бы я поинтересовался у него, сколько будет шестью девять.

И именно в этот момент хлынул ливень. Неожиданно, словно Господь Вседержитель опорожнил свой ночной горшок прямо на нас. Тьма, сгустившаяся вокруг, превратилась в патоку.

– Принц Йорг! – Отцу Гомсту пришлось закричать, перекрывая шум дождя. – Ночь! Вам надо бежать!

Он крепко ухватился за прутья клетки, костяшки пальцев побелели. Немигающими, вылезшими из орбит глазами уставился сквозь завесу дождя в крошечную темноту.

И сквозь полог ночи, сквозь стену ливня, по топам, где не пройдет ни один человек, мы различили их приближение. Светящиеся глаза. Неяркие огоньки из глубоких глазниц мертвяков, куда человеку не стоит заглядывать. Завораживающие огоньки, способные наобещать все, что только может пожелать смертный; если всмотреться в них, заставят гоняться за собой в поисках ответов, в результате – смерть в топкой грязи, холодная и голодная.

Всегда недолюбливал отца Гомста. С шести лет он указывал, как мне должно поступать, часто используя в качестве главного аргумента тыльную сторону ладони.

– Бегите, принц Йорг! Бегите! – завывал старик, противно и самоотверженно.

Поэтому я не сдвинулся с места.

**Брат Гейнс был поваром не потому,
что прекрасно готовил, а потому,
что ничего больше делать не умел.**

4

Мертвяки надвигались из-за завесы дождя. Призраки погибших на болотах, утонувших и тех, чьи трупы бросили на погребение в трясины. Видел, как Красный Кент, словно слепец, ринулся вперед и тут же начал погружаться в топкую жижу. Не всем братьям хватило благоразумия броситься прочь по дороге, некоторые почили в топях.

В клетке отец Гомст принялся неистово молиться, выкрикивая слова, словно отгораживаясь щитом: «Отче, сущий на небесах, защити сына своего. Отче, сущий на небесах». Все быстрее и быстрее, поскольку страх проникал в него все глубже.

Первый лич вылез из засасывающей трясины на Дорогу Нежити. Лунный свет отразился от него, создавая обволакивающее свечение, которому, понятное дело, не дано было кого-либо обогреть. Но зато можно было различить очертания духа и то, как дождь, проходя сквозь его сущность, падал на дорогу.

Рядом никого не осталось. Ни нубанца с выпученными от страха глазами на темной физиономии, ни Толстяка Барлоу, побледневшего настолько, что, казалось, в нем нет ни кровинки, ни вопящего, словно

дителя, Райка. Ни даже объятого приступом ужаса Макина.

Я широко распахнул руки навстречу ливню, представив тому лупить в полную силу. За плечами было не так уж много лет, но дождь пробудил воспоминания. Он напомнил штормовые ночи, когда я, стоя на Сторожевой башне, на самом краю высокого обрыва под потоками воды, призывал молнию сразить меня.

– Отче, сущий на небесах. Отче, сущий... – забормотал Гомст, когда мертвяк приблизился, коснувшись меня холодным свечением.

Я по-прежнему держал руки широко распахнутыми, лицо омывали струи дождя.

– Мой отец не на небесах, Гомсти, – напомнил я ему. – Он в замке, занят пересчетом своих вояк.

Мертвяк приблизился вплотную, дав заглянуть в пустые глазницы.

– Что предложишь? – спросил я его.

Он показал.

А я открылся ему.

Есть причина, по которой мне нужно выиграть эту войну. Все живые участвуют в битве, начавшейся задолго до их рождения. Едва у меня прорезались зубы, я испытывал их на деревянных солдатиках в комнате военного совета отца. Пускай всего одна причина, но я собираюсь победить там, где другие потерпели неудачу, потому что теперь мне известны правила игры.

– Ад, – ответил мертвяк, – могу предложить ад.

Вошел в мое тело, мертвенно холодный, острый, как бритва.

Я почувствовал, губы скривились в ухмылке. Сквозь завесу дождя слышал собственный смех.

Приставленный к горлу нож, острый и холодный, довольно жуткая штука. Сродни огню или дыбе. И еще

древнему духу на Дороге Нежити. Все они способны вогнать тебя в ступор. До той поры, пока не осознаешь, чем они являются. Всего лишь способами сыграть свою партию. Проиграешь ход – и что в результате? Запорол всю игру.

В этом весь секрет, поразительно, но он мой и только мой. Я понял суть игры в ночь, когда люди графа Ренара захватили нашу карету. Той ночью тоже разразилась гроза. Помню стук дождя по крыше и раскаты грома.

Большой Ян точным ударом снес с петель дверцу кареты, хотел вытолкнуть нас наружу. Правда, времени у него хватило только на одного. Он отбросил меня в сторону, прямо в колючий кустарник, настолько густой, что люди графа предпочли убедить себя, будто я сбежал. Просто не захотели обыскивать его. Но убежать я не смог. Шипы не дали. Видел, как убивали Большого Яна. Видел в те короткие мгновения, когда молния озаряла все вокруг.

Видел, что сделали с матерью и сколько это продолжалось. Они размозжили голову маленького Уильяма о камень-указатель. Великолепные локоны и кровь. За мечу, по старшинству Уильям шел за мной. Он любил цепляться за меня своими пухлыми ручонками и смеяться. Позже появилось еще много каких-то братьев, не отличавшихся дружелюбием, поэтому я не стал бы сучать, потеряй одного или даже троих из них. Но тогда мне было больно видеть сломанного, словно игрушку, как нечто бесполезное, маленького Уильяма.

Когда его убили, мать не могла унять, поэтому ей перерезали горло. Я был глуп тогда, всего девять, поэтому рвался спасти обоих. Но тернии держали цепко. С той поры я научился ценить терновник.

Тернии подсказали правила игры. Благодаря им я уразумел то, что всем этим жестоким и серьезным воя-

кам, сражающимся в Войне Ста, еще только предстоит понять. Можно победить лишь тогда, когда воспринимаешь все как игру. Предложите кому-нибудь сыграть в шахматы и скажите, что любая из пешек – его друг. Пусть считает, будто оба слона священны. Пусть вспомнит о счастливых деньках, проведенных в тени своего замка. Пусть любит свою королеву. И увидите, потеряет все.

– Что у тебя есть для меня, мертвяк? – спросил я его.

Это игра. Буду просто переставлять фигуры.

Почувствовал холод внутри. Ощутил его смерть, его голод. И вернул обратно. Ожидал большего, но оказалось, он – всего лишь мертвечина.

Показал свою пустоту, куда воспоминаниям нет доступа. Позволил заглянуть туда.

Тогда он покинул меня. Побежал, а я понесся следом за ним. Но только до края болота. Ведь это всего лишь игра. И я собираюсь победить в ней.

5

Четыре года тому назад

Я долго вынашивал мечты о мести, занятый только ей. Первую камеру пыток соорудил в темных уголках сознания, когда, лежа на пропитанных кровью простынях в Доме Исцеления, обнаружил дверь, которую не замечал прежде. Дверь, которую нельзя открывать, об этом знает даже девятилетний ребенок. Дверь, которая никогда больше не закроется. Распахнута настежь.

Сэр Рейлли нашел меня, запутавшегося в терновнике, не более чем в десяти ярдах от дымящегося остова кареты. Могли и не заметить. Я наблюдал, как они подъехали к телам на дороге. Сквозь колючие ветви кустарника видел серебряный блеск начищенных доспехов сэра Рейлли и мельтешение красных плащей пехотинцев Дома Анкратов.

Отыскать мать, одетую в шелка, было просто.

– Господи Иисусе! Королева! – Сэр Рейлли приказал перевернуть тело. – Осторожнее! Проявите хоть чуточку уважения... – Он внезапно замолчал, глубоко вздохнув. Люди графа сильно постарались, обезображивая ее.

– Сэр! Здесь Большой Ян, Грем и еще Джассар.

Я видел, как они согнулись под тяжестью Яна, затем вернулись за остальными гвардейцами.

– Лучше бы тем, кто сотворил это, сдохнуть! – яростно выпалил сэр Рейлли. – Ищите принцев!

Я не мог увидеть, как нашли Уилла, но по воцарившейся тишине понял, что нашли. Подбородок опустился на грудь, оставалось только разглядывать темные разводы, оставленные кровью на сухих листьях под ногами.

– Вот черт... – наконец произнес кто-то из воинов.

– Положите на лошадь. Только осторожно, – приказал сэр Рейлли. Голос звучал глухо. – И разыщите наследника! – громче, но без особой надежды.

Я попытался позвать, но силы меня покинули. Не смог даже приподнять голову.

– Его здесь нет, сэр Рейлли.

– Похоже, взяли в заложники, – предположил он.

В какой-то степени сэр Рейлли был прав, что-то удерживало меня.

– Положите рядом с королевой.

– Осторожнее! Осторожнее с ним...

– Привяжите их, – приказал сэр Рейлли. – К Высокому Замку поскачем во весь опор.

Противоречивые чувства боролись во мне, хотелось даже, чтобы они уехали. Я больше не ощущал острой боли, осталась только ноющая, но и та постепенно стихала. Покой окутывал, обещая забвение.

– Сэр! – донесся крик.

Стало слышнобряцанье доспехов – сэр Рейлли проходил мимо, желая осмотреть находку.

– Кусок щита? – спросил он удивленно.

– Нашел в грязи, – должно быть, колесо кареты переехало. – Солдат умолк. Слышно было, как по чему-то скребут. – Смотрите, похоже на черное крыло...

– Ворон. Черный ворон на красном поле. Это герб графа Ренара, – произнес Рейлли.

Граф Ренар? Надо запомнить это имя. Черный ворон на красном поле. Геральдический знак промелькнул перед глазами, на мгновение освещенный молнией во время вчерашней грозы. Внутри вспыхнул огонь, боль от сотен шипов разлилась по телу. Я застонал. Ссохшиеся губы разомкнулись, трескаясь.

Рейлли услышал мой стон:

– Здесь кто-то есть! – Послышались проклятья – это острые колючки проникали в сочленения доспеха. – Скорее! Раздвигайте кусты!

– Помер, – пронесся шепот за спиной сэра Рейлли, пока он высвобождал меня, обрубая ветки. – А бледный-то какой.

Полагаю, тернии выпили немало их крови.

Итак, меня положили на повозку и повезли обратно. Я не спал. Смотрел, как темнеет небо, думал.

В Доме Исцеления монах Глен с помощником Инчем вытащили из моей плоти колючки. Прибыл мой наставник Лундист. Я все еще лежал на столе с разложенными тут же ножами. У наставника была книга размером со щит тевтонца и, судя по виду, в три раза тяжелее. В старом, напоминающем высохшую палку теле Лундиста было намного больше силы, чем можно было предположить.

– Надеюсь, монах, вы прокалили ножи в огне? – Лундист говорил с акцентом своей родины, расположенной на Внешнем Востоке, также у него была привычка произносить лишь часть слова, чтобы догадливый собеседник сам додумывал окончания.

– Чисты, аки дух, сдерживающий порочность тела, наставник, – ответил монах Глен, неодобрительно посмотрев на Лундиста, и продолжил копаться в моих ранах.

– Даже если это так, еще раз прокалите ножи, брат. Скучная защита Священной Канцелярии не спасет от гнева короля, если принц не выживет.

Лундист положил книгу на стол рядом со мной, с грохотом отодвинув в дальний угол поднос, заставленный какими-то пузырьками. Откинул обложку и открыл отмеченную страницу:

– «Иглы терновника, подобно малой косточке, трудно обнаружить. – Он водил морщинистым желтым пальцем по строкам. – Кончики могут обломаться, и рана загноится».

Монах Глен слишком резко ткнул ножом, я громко вскрикнул. Затем, отложив инструмент, он повернулся к Лундисту. Мне видна была только спина монаха, коричневая ткань, накинутая на плечи, потемневшая вдоль позвоночника от пота.

– Наставник Лундист, – начал он, – человек вашей профессии привык полагать, что все можно узнать из книг или подходящих свитков. Учение, безусловно, играет важную роль, но, любезный, не вздумайте читать мне лекцию по медицине только потому, что провели вечер со старым фолиантом!

Несомненно, монах Глен выиграл словесный поединок. Поэтому парламентским приставам пришлось «помочь» наставнику Лундисту покинуть помещение.

Видимо, в возрасте девяти лет у меня были серьезные проблемы с чистотой духа, поскольку через два дня раны загноились и еще недель девять я провел в лихорадке, преследуемый мрачными видениями, находясь на грани жизни и смерти.

Рассказывали, я неистовствовал и рыдал. Бредил, когда гной сочился из ран, оставленных терновником. Помню зловоние от гниения. В нем ощущался привкус приторной сладости, от которой тянет блевать.

Инч, главный помощник монаха, утомился удерживать меня, хотя ручки у него были словно у дровосека. Поэтому решили, лучше будет, если привязать меня к кровати.

Впоследствии от наставника Лундиста я узнал: после первой недели монах Глен больше не подходил ко мне. Он решил, что в меня вселился дьявол. Как же иначе, ведь ребенка донимали кошмары?

На четвертой неделе болезни я сумел распутать узлы веревок, удерживающих меня на кровати, и поджег дом. Не помню, как сбежал, как выловили в лесу. Расчистив руины, обнаружили останки Инча с торчащей из груди кочергой от камина.

Не единожды стоял я у Двери Забвения. По ту сторону дверного проема видел мать и брата, искромсанных, покалеченных. В сновидениях ноги сами несли к Двери, вновь и вновь. Но мне недоставало мужества последовать за ними, сдерживали тернии и колючий страх.

Иногда за черной рекой я обозревал земли мертвых, бывало, они простирались за пропастью, края которой соединялись узким каменным мостом. Однажды увидел главный вход в Тронный Зал отца. Дверь была покрыта инеем, из трещин сочился гной. Единственное, что требовалось, – нажать на дверную ручку...

Я выжил благодаря графу Ренару. Я научился терпеть боль, чтобы потом сделать ему больно. Ненависть сохранит тебе жизнь там, где любовь потерпит неудачу.

И вот однажды жар начал спадать. Раны, оставаясь болезненными и воспаленными, затянулись. Благодаря крепкому бульону и вопреки злой воле, силы восстанавливались.

Пришла весна, опять украсив деревья листвой. Я полностью поправился, но во мне зародилось нечто, чему не было объяснения.

Настали солнечные деньки, и, к большому разочарованию монаха Глена, вернулся Лундист, вновь став моим наставником.

Когда он пришел в первый раз, я сидел на кровати. Наблюдал, как старик выкладывает на стол принесенные книги.

– Отец навестит тебя, как только вернется из Геллета, – негромко произнес он. В голосе прозвучал упрек, но не мне. – Смерть королевы и принца Уильяма стали для него тяжкой утратой. Когда ему станет легче, он обязательно захочет побеседовать с тобой.

Не понял, зачем Лундисту вздумалось обманывать. Ведь я знал, отец не потратит ни минуты своего времени, если только не станет очевидным, что смерть не за горами. Навестит, когда конец будет неизбежен.

– Скажи, наставник, – спросил я его, – месть – это наука или искусство?

6

Когда духи обратились в бегство, дождь начал стихать. Я сломил только одного, но остальные побежали следом, обратно в топи, в свои берлоги. Может быть, тот лич был их предводителем; может быть, даже после смерти они оставались трусами.

Что касается моих трусливых братьев, то им негде было спрятаться, поэтому я нашел их относительно легко. Сначала натолкнулся на Макина. Он возвращался.

– Ну что, нашел себе пару? – окликнул я его.

На мгновение он замер, уставившись на меня. К тому времени дождь ослаб, хотя для Макина это уже не играло никакой роли: он был мокрым, как утонувшая мышь. Дождевая вода струйками сбегала с нагрудника, затекала во вмятины и вытекала, не задерживаясь. Все еще нервничая, он осмотрел топи в обе стороны и только потом опустил меч.

– Тот, кто не испытывает страха, потерянный друг, Йорг, – заметил Макин, улыбка тронула его мясистые губы. – Бегство не такая уж и плохая штука. По крайней мере, если бежишь в правильном направлении. – Он махнул туда, где Райк сражался с зарослями камыша по самую грудь в трясине. – Страх помогает выбирать,

когда есть смысл сражаться, в то время как ты, принц, воюешь всегда. — Он низко поклонился, струйки дождя стекали с него на дорогу.

Я отвел взгляд, надо посмотреть, как там Райк. У Мейкэла были схожие проблемы в другой стороне топей. Правда, он увяз уже по самую шею.

— Не важно, в самом конце я собираюсь бросить вызов им всем, — ответил я с убеждением.

— Все же выбирай, когда стоит драться, а когда нет, — посоветовал Макин.

— Выберу свой путь, — возразил я ему. — А выбрав, не сверну. Никогда. Это решено, мы все еще на войне. И ее нужно выиграть, брат Макин. Хочу положить ей конец.

И вновь он поклонился. Не так низко, но на этот раз я понял: он сама серьезность.

— Тогда я следую за тобой, принц. Куда бы нас ни занесло.

Потребовалось время, чтобы вытащить братьев из топей. Сначала освободили Мейкэла, хотя Райк вопил и проклинал нас на чем свет стоит. Поскольку дождь стихал, я смог вдалеке разглядеть серую кобылу и телегу с головами. Кляче достало мозгов оставаться на дороге, даже когда Мейкэлу хватило глупости побежать в сторону. Заведи Мейкэл лошадь в топи, оставил бы там подышать.

Следующим вытащили Райка. Когда добрались до него, жижа доходила до подбородка. Над водой торчало только бледное лицо, но это не мешало ему продолжать выкрикивать ругательства. Большинство братьев понемногу нашлись, однако шестеро успели утонуть. Потеряны навсегда. Возможно, теперь готовятся преследовать других путников.

— Вернусь за старым Гомсти, — сказал я.

Мы отъехали довольно далеко, и солнце клонилось к закату. Обернувшись, даже виселицу не разглядишь,

только серая завеса дождя. В топях поджидали мертвяки. Кожей ощущал их присутствие.

Я никого не уговаривал идти вместе со мной. Знал, никому из них этого не осилить, к тому же негоже предводителю просить и тем более получать отказ.

– Что будешь делать со старым священником, брат Йорг? – спросил Макин. Знал, ему хотелось бы отговорить меня, но выйти и перед всеми сказать об этом он не решился.

– Все еще думаешь сжечь его? – Райк не смог скрыть внезапную радость, что история с топами осталась в прошлом.

– Думаю, – ответил я ему, – но возвращаюсь не за этим.

Повернул назад по Дороге Нежити.

Меня окружали дождь и темнота. Оставшиеся ждать братья пропали из виду. До Гомста и виселицы было еще далеко. Вокруг свернулся кокон тишины, куда не проникало ничего, кроме мягкого шелеста дождя и звука собственных шагов по Дороге Нежити.

Тишина хлестала как бичом. Именно она пугала больше всего. Тишина – как пустая страница, где можно записать собственные страхи. Духи мертвых ничто по сравнению с ней. Один попытался показать ад, но тот оказался лишь слабым отражением тех ужасов, которые могу вообразить я в звенящей темноте.

Вот наконец и то место, где подвешен отец Гомст, священник Дома Анкратов.

– Отец, – позвал я с деланным поклоном. По правде говоря, было не до игр. Где-то глубже глаз ощутил глущую боль. От такой боли подохнуть можно.

Он посмотрел на меня расширенными от ужаса глазами, словно узрел духа болот, вылезавшего из топей.

Я подошел.

К верху клетки была прикована цепь.

– Приготовьтесь, отец.

Вынутый меч не более суток назад рассек старика Бовида Тора. Теперь он потребовался для освобождения священника. Цепь разлетелась, едва лезвие коснулось ее. Тут не обошлось без магии или черного колдовства. Отец рассказывал, меч, принадлежащий уже четвертому поколению Анкратов, забрали из Дома Оров. Значит, он был древним еще до того, как мы, Анкраты, впервые взяли его в руки. Настолько древним, что я не устоял и прихватил его с собой.

Клетка тяжело грохнула о дорогу. Отец Гомст вскрикнул, ударившись головой о прутья, на лбу появился синевато-багровый след крестиком. Проволока, служившая запором двери клетки, разлетелась под лезвием нашего дважды похищенного фамильного меча. Мне представилось искаженное гневом лицо отца: такой благородный клинок используется для столь низменной работы. Впрочем, даже я со своим развитым воображением с трудом мог представить, чтобы какие-либо эмоции отобразились на его каменном лице.

Гомст выполз из клетки, изможденный, но не сломленный. Каким и должен быть старик. Мне нравилось, с какой гордостью он несет груз прожитых лет. Годы только закалили его.

– Отец Гомст, нам лучше поторопиться, мертвяки могут вновь выйти из болот, людей пугать.

Он глянул на меня и отпрянул, словно перед ним стояло привидение, но затем смягчился.

– Йорг, – произнес он. Сострадание переполняло его, сочилось из глаз, словно дождя было мало. – Что с тобой произошло?

Не буду лукавить, меня опять охватили противоречивые чувства, захотелось вонзить в него нож, как тогда с красномордым Джемтом. Очень хотелось. Руки так и чесались вытащить клинок. От этого голова разболелась сильнее, будто тиски еще туже сжали виски.

Но я поступил иначе. Когда меня заставляют сделать что-либо, я сопротивляюсь. Даже если тот, кто заставляет, я сам и есть. Ведь было бы так приятно выпустить ему кишки прямо здесь. Очень заманчиво. Но желание показалось слишком назойливым. Понял – меня подталкивают.

Поэтому улыбнулся и сказал:

– Простите, отец, согрешил.

И старый Гомсти, измученный ранами и клеткой, склонил голову, чтобы выслушать мою исповедь.

Говорил тихо под продолжающимся дождем. Но так, чтобы расслышали отец Гомст и мертвяки, собирающиеся вокруг. Рассказал обо всем, что сотворил, и о том, что намерен предпринять в будущем. Спокойно поведал свои планы всем, кто имел уши, – пусть слушают. И мертвяки вновь покинули нас.

– Ты – дьявол! – воскликнул отец Гомст, отступая на шаг и крепко вцепляясь в висевший на шее крест.

– Даже если так, – не стал с ним спорить я, – ведь я исповедовался, надо отпустить мне грехи.

– Мерзость... – произнес он медленно, со вздохом.

– И не только, – согласился я, – а теперь отпусти мне грехи.

Наконец отец Гомст овладел собой, хотя все еще держался поодаль.

– Что ты хочешь от меня, Люцифер?

Хороший вопрос.

– Хочу победить, – ответил я ему.

Он покачал головой, пришлось объясниться.

– Одни пойдут со мной, зная, кто я. Другим надо знать, куда я иду. Третьим нужно знать, кто еще идет со мной. Я исповедовался тебе. Раскаялся. Теперь со мною Бог, а ты, священник, расскажешь верующим, что я – Его воин, Его оружие, Меч Всемогущего.

Наступившую тишину нарушали удары сердца.

– *Ego te absolvo!*¹ – дрожащими губами произнес наконец отец Гомст.

Затем мы зашагали обратно по дороге и вскоре присоединились к остальным. К тому времени Макин уже выстроил всех и произнес напутствие. Они ожидали с единственным факелом и свечой в фонаре под козырьком, привязанным к телеге с головами.

– Капитан Борта, – обратился я к Макину, – пора выдвигаться. Впереди долгая дорога к Лошадиному Берегу.

– А как же священник? – спросил он.

– Похоже, придется сделать крюк к Высокому Замку, оставим его там.

Боль пульсировала в голове, не унимаясь.

Может, давало о себе знать то, что проникло в меня прежде, какой-то древний дух, но сегодня голова болела так, словно в нее тыкали палкой, понуждая, как скот, следовать в нужном направлении. И это по-настоящему бесило.

– Думаю наведаться в Высокий Замок, – я сжал зубы, преодолевая тычки в голове, – и передать старого Гомсти с рук на руки. Уверен, отец беспокоится обо мне.

Райк и Мейкэл посмотрели с недоумением, Толстяк Барлоу и Красный Кент обменялись красноречивыми

---

¹ В переводе с латинского: «Я отпускаю тебя» или «Я прощаю тебя», что является формулой отпущения грехов на исповеди у католиков.

взглядами, нубанец закатил глаза, встал в боевую стойку и продемонстрировал бой с тенью.

Я глянул на Макина: высокий, широкоплечий, черные волосы слиплись от дождя.

«Он – мой конь, – размышлял я, – Гомст – слон, Высокий Замок – ладья». Потом я подумал об отце. В этой игре мне нужен король. Без него играть нельзя. Я подумал об отце и решил, что для моей партии он подходит. Встреча с мертвецом на Дороге Нежити удивила меня. Он показал мне свой ад, а я только посмеялся над ним. Но сейчас, когда я думал об отце, мне было важно сознавать, что я все еще могу испытывать страх.

7

Ехали всю ночь, и Дорога Нежити наконец вывела нас из топей. Рассвет застал нас в Норвуде, угрюмом и сером. Город лежал в руинах. Над развалинами все еще витал запах едкого дыма, сохранившийся даже после того, как огонь погас.

– Граф Ренар, – произнес Макин, стоявший рядом, – наглеет, если в открытую нападет на протектораты Анкратов.

Он с легкостью раскрыл тайну.

– Откуда ты можешь знать, кто учинил подобное злодеяние? – спросил отец Гомст. Цвет лица стал таким же, как седая борода. – Возможно, люди барона Кенника проехали по Дороге Нежити и совершили набег. Именно люди Кенника подвесили меня в клетке.

Братья разбрелись по руинам. Райк оттеснил Толстяка Барлоу и исчез в ближайшем здании, представлявшем собой лишь каменный остов без крыши.

– Нищие болотные говнюки! Такие же, как в чертовом Маббертоне! – Дальнейшие стенания не были столь отчетливо слышны ввиду неистовства, с которым он продолжал поиски.

Я припомнил, каким был Норвуд в праздничный день: увешанный разноцветными ленточками. Мать идет рядом с бургомистром, мы с Уильямом лакомимся медовыми яблоками.

– Но это *не мои* нищие болотные говнюки, – заявил я, повернувшись к Гомсти. – Нет здесь трупов. Значит, работа графа Ренара.

Макин кивнул:

– Думаю, найдем погребальный костер в полях на западе. Ренар сжигает всех скопом. Живых и мертвых.

Гомст перекрестился и забормотал молитву.

Война – прекрасная штука, как я уже говорил прежде, а те, кто не согласен, – проигрывают. Заставил себя улыбнуться:

– Брат Макин, похоже, граф Ренар сделал свой ход. У нас одинаковое оружие, и он владеет им хорошо. Осмотритесь вокруг. Хочу знать, как он разыграл эту партию.

Ренар. Сначала отец Гомст, теперь Ренар. Словно дух из топей повернул ключ, и теперь призраки прошлого шествуют один за другим.

Макин кивнул и пустил лошадь галопом, но не в город, а вдоль ручья, к зарослям за рыночной площадью.

– Отец Гомст, – обратился я с придворной вежливостью, – будь любезен, поведай, где люди барона Кенника тебя схватили.

То, что наш семейный священник был пленен во время набега, представлялось полной бессмыслицей.

– В деревне Джессоп, принц, – ответил Гомст, настороженно озираясь по сторонам, избегая моего взгляда. – Разве мы не обязаны объезжать владения? На своей территории мы в безопасности. Земли за Хэнтоном не подвергаются набегам.

«Интересно, – подумал я, – зачем же ты пренебрег опасностью?»

– Деревня Джессоп? Припоминаю нечто подобное, когда-то слышал это название, отец Гомст, – я по-прежнему оставался вежливым, – там, должно быть, три ла-чуги да свинья.

Райк вылетел из дома, словно ураган, весь в пепле, чернее нубанца и отплевываясь как сумасшедший. И кинулся к следующему дому.

– Барлоу, толстый ублюдок! Ты подставил меня! – Если Малыш Райки не мог ничего найти, то кто-то за это должен расплатиться. Так повелось.

Гомст, казалось, был доволен тем, что разговор прервали, но я продолжил:

– Отец Гомст, ты говорил о Джессопе, – увернуться не получится.

– Городишко на болотах, принц. Ничего особенного. Там режут торф для протектората. Семнадцать хи-жин и, пожалуй, чуть больше свиней. – Он попытался засмеяться непринужденно, но получилось слишком резко и нервно.

– Значит, ты отправился туда отпустить грехи бед-някам? – заглянул ему в глаза.

– Ну...

– Поехал за Хэнтон, к самой границе топей, в опасный район, – продолжил я. – Ты прямо святой, отец.

Он опустил голову.

Джессоп. Внутри словно звякнул колокольчик, напоминая о чем-то, вот только вспомнить, о чем он вы-званивает, у меня никак не получалось... Название ка-залось таким знакомым.

– Джессоп расположен там, где течения достигают поглощающих мертвых топей, – произнес я, словно счи-тывая с губ старого наставника Лундиста. Представил

карту за его спиной, прикрепленную к стене учебного класса, где течения отмечены черными чернилами. – Их движение неспешно, но неумолимо. Топи хранят свои секреты, но не везде, Джессоп – место, где их можно раскрыть.

– Тот здоровяк, Райк, душит толстяка. – Отец Гомст кивнул в направлении города.

– Отец послал тебя туда, чтобы посмотреть на мертвых, – я не позволил отцу Гомсту увести разговор в сторону, – потому что ты узнал бы меня.

Губы Гомста сложились в «нет», но все остальное говорило «да». Всегда считал священников более искусными лжецами, учитывая, чем они промышляют.

– Неужели он все еще разыскивает меня? Спусти четыре года! – Даже четыре недели было бы чересчур.

Гомст подался в седле назад и беспомощно развел руками:

– Королева носит дитя. Сэйджес предрек королю рождение мальчика. Я должен был подтвердить право наследования.

Ах вот оно что! «Право наследования». Это больше походило на отца, которого я знал. А королева? Последняя сделка.

– Сэйджес? – спросил его.

– Язычник, гадатель на костях, недавно появился при дворе, – произнес Гомст с кислым видом.

Пауза затянулась.

– Райк! – Я не стал кричать, но сказал достаточно громко, чтобы тот услышал. – Отпусти Толстяка Барлоу, иначе придется тебя выпотрошить.

Райк послушался, Барлоу грохнулся оземь, словно кусок свиного сала весом более трехсот фунтов¹, ко-

---

¹ *Фунт* – равная 453,6 грамма.

торым, впрочем, он и был. Из них двоих физиономия Барлоу выглядела багровее, но лишь чуть-чуть. Райк двинулся к нам, выставив сцепленные кисти рук, будто репетировал захват моего горла:

– Ты!

Макина не видно, а от отца Гомста против разъяренного Малыша Райки мало толку.

– Ты! Где гребаное золото, которое наобещал? – Тут же два десятка голов высунулось из окон и дверей сожженного города. Даже Толстяк Барлоу приподнял башку, с шумом втягивая воздух, словно через соломинку.

Я позволил руке соскользнуть с эфеса меча. Нехорошо жертвовать пешками. Райку оставалось пройти всего дюжину ярдов. Я спрыгнул с седла и погладил Геррода по носу, город оставался позади.

– В Норвуде есть чем поживиться, кроме золота, – сказал я достаточно громко, но не усердствуя. Затем развернулся и прошел мимо Райка, даже не глянув на него. Дай такому, как Райк, возможность, он ею не преминет воспользоваться.

– Только не говори мне о фермерских дочках, ты, маленький ублюдок! – с диким рыком он последовал за мной, но я позволил ему распалиться дальше. Пускай выпустит пар. – Этот отморозок граф уже побросал их всех в костер.

Вышел на Мидвей-стрит, протянувшуюся от дома бургомистра до рыночной площади. Когда проходили мимо брата Гейнса, тот отвернул голову от костра, разведенного для приготовления пищи. Он не без труда поднялся и последовал за нами, не желая пропустить веселье.

Башня мало чем напоминала зернохранилище. Сейчас и вовсе не впечатляла: обгоревшая, с кое-где разо-

шедшейся каменной кладкой. Мешки с зерном, прежде прикрывавшие потайной лаз, сгорели. Я обнаружил его, обследовав пол. Райк натужно пыхтел за спиной.

– Открывай. – Я показал на кольцо, вставленное в каменную плиту.

Райку не нужно было повторять дважды. Он нагнулся и потянул вверх плиту, словно та ничего не весила. Они были там, покрытые пылью, бочонок за бочонком, прижатые один к другому в темноте.

– Старый бургомистр держал пиво к празднику под зернохранилищем. Все местные знали об этом. Внизу течет небольшой ручеек, поэтому оно всегда прохладное и вкусное. Гляди, их, похоже, штук двадцать? Двадцать бочонков золотистого пива к празднику, – улыбнулся я.

Правда, Райку было не до смеха. Стоя на четвереньках, он осторожно смотрел вверх на лезвие моего меча. Представил, как оно опускается ему на шею.

– Теперь понятно, Йорг, брат Йорг, я не собирался... – заканючил он, жалкое зрелище, и даже меч у шеи его не извиняет.

Макин с шумом зашел в зернохранилище, встал рядом. А я продолжал держать лезвие у шеи Райка.

– Может, я и маленький, Малыш Райки, но не ублюдок, – сказал я незлобиво, но убийственным тоном. – Не правда ли, отец Гомст? Ради ублюдка не пришлось бы тебе рисковать встречей с мертвяком?

– Принц Йорг, позвольте капитану Борте убить этого дикаря. – Должно быть, к Гомсту вернулось хладнокровие. – Мы поскачем в Высокий Замок, и ваш отец...

– Мой отец может, черт возьми, подождать! – заорал я, но тут же прикусил язык, не желая сболтнуть лишнего, раздосадованный, что дал волю гневу.

На мгновение Райк забыл о мече у горла:

– Что это за чертово говно о принце? Что это за чертово говно о капитане Борте? И когда я получу свое гребаное пиво?

Все, кто были вокруг, собрались послушать.

– Что ж, – ответил я ему, – раз уж ты соизволил поинтересоваться, брат Райк, поясню.

Макин недоуменно посмотрел на меня и сжал меч. Я успокоил его взмахом руки:

– Говно о капитане Борте касается Макина, который на самом деле Макин Борта, капитан Имперской гвардии Дома Анкратов. Говно о принце касается меня, любимого сына и наследника короля Олидана из Дома Анкратов. Пиво можем выпить сейчас, поскольку сегодня мой четырнадцатый день рождения, так, может, произнесешь тост за мое здоровье?

**Любое братство основано
на подчинении. С окружающими
меня братьями никто не захочет стать
замыкающим. В противном случае
рисуешь быть затюканным до смерти.
У брата Джоба оказалось правильным
соотношение малодушия и бешенства,
поэтому он все еще оставался жив.**

Итак, мы сидели на развалинах дома бургомистра и попивали пиво. Братья вливали его в глотки, периодически выкрикивая мое имя. Кто-то орал «брат Йорг», кому-то пришлось по душе «принц Йорг». Безусловно, я предстал перед ними в новом свете. Райк наблюдал за мной, пивная пена осела на коротко стриженной бороде, на шее виднелся след от меча. Райк явно взвешивал все «за» и «против». Мыслительный процесс проявлялся медленным танцем кожи низкого лба. Я не стал дожидаться, когда слово «выкуп» вырвется наружу.

– Ему больше понравится, если я окажусь среди мертвецов, Малыш Райки, – пояснил я. – Гомсти послали найти доказательства, что я мертв, а вовсе не для того, чтоб разыскать меня живым. Теперь у него новая королева.

Ухмылка Райка вышла злобной. В довершение он громко икнул.

– Ты сбежал из замка, где полно золота и женщин, чтобы кочевать с нами? Какой идиот так поступит?

Я сделал маленький глоток. Пиво имело кисловатый привкус, но, может, так и должно быть.

– Идиот, который прекрасно осознает, что сама по себе королевская стража победу в войне не обеспечит, – ответил я ему.

– В какой войне, Йорг? – Нубанец сидел рядом и не пил. В разговоре он предпочитал неторопливость и взвешенность. – Ты хочешь победить графа? Барона Кенника?

– Я хочу войны, – произнес я, – и хочу выиграть эту войну.

Из-за бочонков появился Красный Кент со шлемом, до краев наполненным пивом.

– Не бывать этому, – заметил он и, подняв шлем, осушил его в четыре глотка. – Выходит, ты – принц Дома Анкратов? Королевства Медной Короны. Там, должно быть, не менее дюжины достойных претендентов на высокий престол. И у каждого собственная армия.

– Скорее, полсотни, – проворчал Райк.

– Порядка сотни, – заметил я. – Подсчитано.

Сотня осколков Империи, досаждавших друг другу в никогда не прекращающемся водовороте мелких войн, междоусобиц, приграничных стычек. Крохотные королевства разрастаются, скукоживаются и снова расширяются; порой вся жизнь человеческая проходит в бесконечных войнах, а по сути ничего не меняется. Моя цель – изменить, закончить, победить.

Допив пиво, я поднялся, чтобы разыскать Макина.

Далеко идти не пришлось. Он был около лошадей, проверял своего жеребца по кличке Огненный Прыжок.

– Обнаружил что-нибудь? – спросил я.

Макин скривил губы:

– Нашел погребальный костер. Навскидку тел под двести, все мертвы. Но его так и не подожгли, не исключено – кто-то спугнул. – Он махнул в западном на-

правлении. – Они добрались до Дороги Топей и перемахнули через вон тот горный хребет. Около двадцати лучников засели в зарослях у ручья, чтобы не дать никому сбежать.

– Сколько их всего было?

– Около сотни. Большинство – пешие. – Он зевнул, проведя ладонью от лба до подбородка. – Дня два уже прошло. Мы в относительной безопасности.

Почувствовал, как невидимые тернии царапают тело, острые иглы вонзаются в кожу.

– Пойдем.

Макин последовал за мной обратно к ступеням и обрушившимся колоннам у дверей дома бургомистра. Братья тем временем запихнули Мейкэла во второй бочонок.

– А вот и капитан! – окликнул Макина Барлоу. Он все еще сипел, после того как Райки едва не придушил его. Раздался смех, на сей раз я решил не обращать внимания. Острые и длинные колючки вновь погрузились в тело, подготавливая к грядущему. Двести тел свалены в кучу. Все мертвы.

– Кэп Макин считает, что скоро у нас будут гости, – произнес я.

Макин недоуменно приподнял брови, но мне было не до него.

– Мечей двадцать, отъявленные негодяи, гнусные разбойники. С кем не захочешь повстречаться на дороге, – уверенно продолжал я. – Двигаются напрямик сюда, затоваренные чужим добром.

Внезапно Райк вскочил на ноги, его цеп звякнул, ударившись о бедро.

– Чужим добром?

– Бездельники, говорю же. Богатеют, разоряя других. – Я изобразил улыбку. – Что ж, братья, полагаю,

следует указать им на их ошибки. Хочу, чтобы они все сошли. Без исключения. Все должно пройти без сучка без задоринки. На главной улице вырыть ямы-ловушки. Братья спрячутся в зернохранилище и таверне «Синий кабан». Кент, Роу, Лжец и нубанец – оставайтесь здесь, за развалинами, и, когда наши гости будут проходить между башней и таверной, начинайте стрелять.

Нубанец поднял арбалет, чудовищное изобретение древней инженерии, сработанный из металла и украшенный ликами странных богов. Кент вытряхнул остатки пены из шлема и напялил его, огромный лук у него всегда был наготове.

– Может статься, они появятся из-за горного хребта, поэтому Райк возьмет с собой Мейкэла, еще шесть воинов и спрячется среди развалин кожевни. Любому, кто выберет этот путь, дайте пройти мимо вас, а уж потом выпустите кишки. Макин проведет разведку и предупредит, когда они появятся в поле зрения. Святой отец здесь и вы пятеро – останетесь со мной в качестве наживки.

Братьям не нужно было повторять дважды. Ну, разве что, Джобу потребовалось. Поскольку Райк оттащил его от пива слишком поспешно, тот не больно обрадовался этому обстоятельству.

– Добыча! – проорал Райк ему в физиономию. – Иди копать ямы-ловушки, недоумок.

Да, эти парни знали, как правильно устраивать засаду. Не придерешься. Для сражения в развалинах лучших не найти. Полжизни они провели, превращая в руины все вокруг, а вторую половину против кого-то рубились.

– Барлоу, Макин, – позвал я, выждав, когда остальные ушли выполнять задания. – Разведка отменяется, Макин, – проговорил я как можно тише. – Хочу,

чтобы вы спрятались в зарослях у ручья. Схоронитесь так, чтобы ни один ублюдок, даже усевшись прямо на вас, не обнаружил вашего присутствия. Засядьте там и ждите. Что предпринять, решите по ходу дела.

– Принц... Брат Йорг, – произнес Макин. Он был явно недоволен происходящим, его взгляд все время устремлялся вниз по улице к старому Гомсти, молившемуся перед сожженной церковью. – Как это понимать?

– Ты сказал, что пойдешь за мной, куда бы я ни повел, Макин, – ответил ему. – Здесь все начнется. Когда о нас сложат легенду, – это станет первой страницей. Какой-нибудь старый монах ослепнет, раскрашивая ее, Макин. Именно здесь начало всему. – Правда, я не стал уточнять, насколько короткой может стать эта легенда.

Макин поклонился – скорее кивок, чем поклон – и ушел. Толстяк Барлоу поспешил за ним.

Итак, братья выкопали ловушки, приготовили стрелы и спрятались в развалинах, оставшихся от Норвуда. Я наблюдал, проклиная их медлительность, но старался держать себя в руках. Наконец лишь отец Гомст, пятеро отборных братьев и я остались на виду. Все прочие, числом, ненамного превосходящим две дюжины, залегли в хорошо замаскированных укрытиях.

Отец Гомст подошел и встал рядом, продолжая бормотать молитвы. Интересно, молился бы он столь усердно, зная, что тут произойдет?

Голова вновь разболелась, словно кто-то вогнал крюки в глаза и тянет за них. Такая же боль ощущалась, когда я только увидел старика Гомсти и подумал о возвращении домой. Подобную боль я испытывал всегда перед необходимостью выбора. Много раз позволял ей управлять мною. Но потом мне надоело быть рыбкой на крючке, и я научился сопротивляться.

Час спустя на дороге появился первый разведчик. Остальные не заставили себя долго ждать, подъехали и присоединились к нему. Убедившись, что нас семерых, стоящих на ступеньках дома бургомистра, обнаружили, я произнес, указывая на всадников:

– Похоже, к нам гости.

– Вот дерьмо! – Брат Элбан сплюнул на ботинки. Он ничего особого собой не представлял – седовласый вояка в проржавевшей кольчуге, – поэтому я его и выбрал. Волосы и зубы у него почти отсутствовали, но зато оставалась крепкой хватка. – Это не разбойники, гляньте на лошадей, – прошамкал он.

– Знаешь, Элбан, возможно, ты прав, – ответил я и улыбнулся. – Я даже сказал бы, они, скорее, похожи на солдат.

– Господи помилуй, – услышался шепот Гомсти за спиной.

Разведчики развернулись и поскакали назад. Элбан схватил упряжь и направился было к рыночной площади, где наши лошадки мирно пощипывали травку.

– Ты так не поступишь, старик, – мягко произнес я.

Он развернулся, в глазах промелькнул страх.

– Ты же не прирежешь меня, *Йорс*?

Из-за нехватки зубов он никак не мог выговорить «Йорг». Полагаю, мое имя давалось ему с трудом.

– Я не стану тебя убивать, – сказал в ответ. Элбан мне почти что нравился, поэтому я не прикончил бы его без серьезной причины. – Куда ты надумал бежать, Элбан?

Он показал на горный хребет:

– Это единственный путь. Иначе собьешься с дороги или, еще хуже, вырулишь к топам.

– Тебе не стоит двигаться к горному хребту, Элбан, – произнес я. – Уж поверь.

И он поверил. Хотя, возможно, поверил, потому что все еще не доверял, если вам понятно, о чем я.

Мы стояли и ждали. Вначале на Дороге Топей появилась основная колонна, она шла маршем, затем, спустя несколько мгновений, из-за горного хребта показались еще солдаты. Порядка двух дюжин вояк с копьями и щитами, над ними развевались знамена графа Ренара. В основной колонне солдат не менее шестидесяти, за ними, не соблюдая строй с колодками на шеях, тащилось около сотни пленников, связанных между собой цепями. Полдюжины телег замыкало шествие. Крытые были нагружены запасами провианта, на остальных – тела штабелями, словно дрова для растопки.

– Дом Ренаров не бросает мертвых не сожженными. Пленники им ни к чему, – отметил я.

– Не понимаю, – заявил отец Гомст. Испуг сменился недоумением.

Я показал на деревья:

– Топливо. Мы находимся на самой границе топей. В торфянике на мили вокруг нет ни одного достойного дерева. Они хотят увидеть яркое пламя, поэтому возвращаются назад, чтобы устроить отличный праздничный костер.

У меня было объяснение действиям Ренара, но сам я, как и отец Гомст, не был уверен в том, что понял все правильно. Настоящая сила появляется благодаря желанию расправиться с кем-то. Она появилась в тот день, когда я решил отсрочить месть графу Ренару, – мне казалось, на тот момент от этой затеи не будет никакой пользы. И вот теперь, стоя среди руин Норвуда, я был переполнен жадной, которую невозможно утолить праздничным пивом. Ожидание графа. Ожидать его появления, располагая горсткой рубак, в то время как рассудок и все чувства призывают спастись бегством. Все, кроме

одного, которое повелевает победить или погибнуть, но никогда не склониться.

Теперь я мог четко различить отдельные фигуры во главе колонны. Шесть всадников в кольчугах и рыцарь в тяжелых пластинчатых доспехах. Эмблема на его щите стала видна, когда он повернулся, отдавая команды. Черный ворон на красном поле, огненном поле. Граф Оссон Ренар не повел бы сотню солдат в протекторат Анкратов, это один из его сыновей. Марклос или Джарко.

– Братья не станут биться против войск, – проговорил Элбан, опустив руку на мой наплечник. – Мы сможем прорваться между деревьями, если доберемся до наших лошадей, Йорг.

Не менее двадцати людей Ренара стремительно приближались к роще, держа перед собой большие луки, – казалось, остановить их невозможно.

– Нет уж, – глубоко вздохнул я. – Лучше сдамся.

Протянул руку:

– Белый флаг, будьте так любезны.

Когда я приблизился к основной колонне, войска уже рассредоточились. Цвет моего «флага», скорее, можно было определить как серый. Более того, это был грязно-серый кусок материи, оторванный от подушечки для молитв отца Гомста.

– Потомственный дворянин! – закричал я. – Дворянин под флагом капитуляции!

Это их озадачило. Воины, развернувшиеся веером за оставленными нами лошадьми, позволили мне беспрепятственно пересечь рыночную площадь. У них был жалкий вид: отвалившиеся от кожаных доспехов металлические пластины, покрытые ржавчиной мечи. То были рекруты, слишком долго находившиеся в пути, непривычные к таким походам.

– Мальчонка первым рвется на костер, – пошутил один из них. Тощий прыщавый ублюдок. И заготовал.

– Дворянин! – громко произнес я. – Сдаюсь.

Даже не рассчитывал дотянуться до него мечом.

Зловоние колонны стало ощутимым, слышались рыдания. Пленные не проявили ко мне никакого интереса.

Два всадника Ренара преградили мне путь:

– Где ты украл доспехи, малец?

– Пошел ты куда подальше, – ответил я, затем спокойно продолжил: – Так кто же заправляет всем этим великолепным действием? Маркclos?

Они обменялись взглядами. Возможно, бесприютные странствующие рыцари сами не отличали одного сына из Дома Ренаров от другого.

– Не советую убивать пленного благородного происхождения без приказа, – напутствовал я их. – Пусть лучше графчонок сам решает.

Оба всадника спешили. Высокие мужчины, судя по всему, ветераны. Забрали меч. Тот, что постарше, чернобородый с белым рубцом под глазами, нашел мой нож. На кончике его носа также виднелся шрам.

– А ты довольно уродлив, не находишь? – полюбопытствовал я.

Второй нож он отыскал в сапоге.

Никакого плана у меня не было. Головная боль не давала возможности его составить. Следовало проигнорировать внутренний голос, который так долго вел меня вперед. И проигнорировал бы, не будь я таким упрямым. Но вот я здесь, безоружный против превосходящего числом врага, глупый и одинокий.

Интересно, наблюдал ли брат Уильям за мной в тот момент. Очень надеялся, что мать этого точно не делала.

Интересно, суждено ли мне умереть? Сожгут меня или оставят изувеченный труп отцу Гомсту, чтобы он на телеге отвез его обратно в Высокий Замок?

– Человеку свойственно сомневаться, – произнес я, когда обладатель шрама закончил с обыском. – Даже Иисус сомневался, а мне до него далеко.

Тот посмотрел так, словно перед ним стоял умалишенный. Может быть, так оно и было, но в тот момент я обрел покой. Боль прошла, теперь я мог увидеть все происходящее четко и ясно.

Меня повели туда, где Марклос восседал на своем коне, исполинском жеребце в три обхвата. Он поднял забрало, показалась симпатичная мордашка, на мой вкус слишком пухлощекая, но довольно дружелюбная. Впрочем, внешность бывает обманчивой.

– Кто ты такой, черт возьми? – поинтересовался он.

Красивый узор, инкрустированный серебром, был вытравлен на его нагруднике, отполированном настолько, что излучал сияние даже при тусклом свете.

– Я, кажется, спросил, кто таков? Черт тебя побери! – У него даже щеки покраснелись. Теперь не такой добродушный. – На костре запоешь, молокосос, лучше говори сейчас.

Я подался вперед, словно не расслышал. Телохранители бросились ко мне, но я проделал проверенный трюк. Хотя я и был в доспехах, стражники действовали куда медленнее меня. Я оттолкнулся от торчащей из стремени ноги Марклоса, как от ступеньки, в одно мгновение оказался на жеребце рядом с ним. В ножнах, удобно притороченных к седлу, оказался прекрасный стилет, который я сразу вонзил ему в глаз. Затем мы рванулись вперед. Вдвоем галопом понеслись через рыночное поле. Странствуя по дорогам, вы первым делом должны научиться воровать коней.

Мы скакали вперед, за спиной раздавались крики телохранителей и топот копыт. Несколько пеших солдат попытались преградить дорогу, но я сшиб их конем. Больше никогда не встанут ни у кого на пути; жеребец действительно был огромным. Возможно, лучники сделали бы пару-тройку выстрелов, но с такого расстояния не могли понять, в чем, собственно, дело, тем временем мы мчались напрямиком в город.

За спиной слышно погоню. Похоже, телохранители тоже затоптали пару человек. Они приближались, но мы приготовили им сюрприз, Маркрос и я, сейчас начнется. Когда достигли окраин Норвуда, погоня почти нагнала нас.

У первого строения я резко развернул коня, Маркрос просто обязан был грохнуться. Он и свалился, ударившись лицом оземь. Еще один, кому уже никогда не встать. Честно говоря, моя душа просто пела. Я представил, что графу сообщат эту новость как раз во время завтрака. Интересно, придется ли ему это по вкусу? Станет он доедать яичницу?

– Солдаты Ренара! – заорал я во всю мощь своих легких. – Город находится под защитой принца Анкратов. Норвуда вам не видать!

Снова развернулся и поскакал вперед. Несколько стрел вонзилось в землю позади. Подъехав к лестнице, соскочил с коня.

– Ты вернулся... – Отец Гомст выглядел озадаченным.

– Да. – Я повернулся к Элбану. – Больше некуда отступать, так ведь, брат?

– Сумасшедший, – произнес тот шепотом. Шепотом он не шепелявил.

Всадники, личная охрана Маркроса, возглавили атаку. Теперь, когда рядом замельтешило человек пятьде-

сят пеших, они вспомнили об отваге. На горном хребте двум десяткам солдат наконец-то отдали приказ, и те бросились вниз по склону. Лучники стали выбираться из зарослей, чтобы лучше прицелиться.

– Ублюдки сожгут вас, если захватят, живыми или мертвыми, – сказал я пятерым братьям, которые были со мной. Потом молча заглянул каждому в глаза. – Но им тоже неохота помирать. Во всяком случае, они не захотят вернуться к графу. Вы бы вернулись к старому поджигателю Ренару с трупом сына и утешениями вроде: «О да, но мы ведь убили эту погань... там был еще малец... и беззубый старик»? Поэтому слушайте и запоминайте. Вы будете драться с этой выдрессированной солдатней и зададите им жару. И если жара будет достаточно, они сломаются и побегут. – Я снова сделал паузу и поймал взгляд брата Роддата, который был тем еще пронирой и любителем улизнуть при любой возможности. – Ты, брат Роддат, держись ко мне поближе.

Взглянул в сторону зарослей, поверх голов хлынувших на рыночную площадь солдат, и увидел, как среди деревьев упал лучник. Затем еще один. Облаченная в доспехи фигура возникла позади них как из-под земли. А лучники, не замечая этого, смотрели вперед. Один плавный удар – и голова ближайшего из них полетела наземь. «Благодарю тебя, Макин», – мысленно прокричал я. И тут с разбега в самую гущу стрелявших врезался закованный в броню Толстяк Барлоу.

Воины с горного хребта миновали позиции Райка, и он с братьями набросился на них сзади. Не самая излюбленная манера ведения боя Малыша Райки, однако само слово «добыча» могло сделать из него сверхчеловека.

Чо-о-омг! Нубанец разрядил арбалет. Он едва ли мог промахнуться, когда вокруг столько врагов.

С таким огромным оружием зачем было вообще кого-либо выбирать? Две стрелы вонзились в грудь переднему всаднику, выбив его из седла. Кент и еще два брата поднялись из-за развалин дома бургомистра. Они немного испугались, увидев происходящее, но выбор у них был невелик — зато стрел хватало с избытком.

На полном скаку всадники Ренара угодили в наши ямы-ловушки. Клянусь, я услышал хруст первого сломанного колена. Потом разносились лишь вопли падавших друг за другом людей. Кент, Лжец и Роу воспользовались моментом и отправили еще по дюжине стрел в основной костяк атакующих. Нубанец снова зарядил своего монстра и на сей раз едва не снес голову лошади. Всадник вылетел из седла, а животина грохнулась на него сверху, из раздавленного черепа потекли мозги.

Кое-кому из новобранцев-солдат выбранная дорога резко разонравилась, и они собрались отыскать среди руин другую. Естественно, там они обнаружили не столько ее, сколько поджидавших братьев.

Первыми сломались лучники. Немного может сделать человек, облаченный в кожаную безрукавку, с ножом у бедра, против умелого рубаки в доспехах. А ведь даже Барлоу был настоящим воином.

Трое всадников добрались до нас. Мы не стали дожидаться их на улице, отступив под защиту того, что осталось от кузницы Деккера. Двое медленно въехали внутрь, под копытами натужно скрипнули обгоревшие доски. Элбан прыгнул на первого из чрева огромной печи. С легкостью он сбил всадника с лошади, его острый нож все глубже и глубже вонзался в плоть врага. Помнится, я уже упоминал о хватке Элбана.

Отвлекающими ударами парочка братьев подгадала момент и стащила с коня второго всадника. Для конного поединка ему не хватало места, негде было развернуться, пешему было бы проще.

Мне же достался уже знакомый «меченый» вояка со шрамом. Он оказался сообразительнее и спешился до того, как вошел внутрь. Двигаясь неторопливо, но ловко, воин приближался ко мне, только острие выставленного вперед меча плавно колебалось. Он не спешил: нет нужды торопиться, когда за тобой почти полсотни воинов.

– Сдаешься? – спросил я, пытаюсь его поддеть.

Он промолчал. Плотно сжал губы и сделал выпад, но уж больно медленно. Именно тогда из-за его спины появился брат Роддат и вогнал меч ему в шею.

– Тебе стоило поторопиться, Меченый, – подытожил я.

Выбравшись наружу, я натолкнулся на огромного раскрасневшегося ублюдка, взбежавшего на холм. Он резко дернулся – выпущенная из арбалета стрела нубанца пронзила его. Теперь предстояло схлестнуться в рукопашной. Нубанец поднял свой чекан, Красный Кент схватился за топор. Роддат проскочил мимо меня с копьем наперевес и тут же отыскивал жертву, чтобы насадить на него.

Они накатывали на нас двумя волнами. Дюжина или около того солдат, бегущих следом за телохранителями Марклоса, а затем еще человек двадцать отставших. Тела убитых валялись на главной улице и среди руин домов.

Я промчался мимо Роддата с его нанизанной на копье жертвой, мимо двух воинов с мечами, которые не обратили на меня никакого внимания, и таким образом проскочил первую волну. Среди солдат второй волны

отчетливо различил того тощего ублюдка с прыщами на щеках, который отпустил шутку про костер.

Моя стремительная атака, наполненная жаждой крови прыщавого, – вот что сломило их дух. А солдаты с горного хребта? Те так и не добрались до нас. Малыш Райки полагал, что они нагружены награбленным.

Думаю, что больше половины людей графа разбежалось. Правда, их теперь не стоило считать его людьми, поскольку вернуться к нему они уже не могли.

Макин, весь забрызганный кровью, поднялся на холм. Он был похож на Красного Кента в день, когда мы натолкнулись на него. Барлоу не отставал, но затем остановился, желая обыскать парочку тел. Это, безусловно, подразумевало переход раненых в разряд убитых.

– Ну зачем? – вопрошал Макин. – Я не имею в виду великолепную победу, принц... но зачем было, во имя преисподней, так рисковать собой?

Тогда я поднял меч. Братья, собравшиеся рядом, невольно отодвинулись, но, надо отдать должное, Макин не шелохнулся.

– Видишь этот меч? – спросил я его. – На нем нет ни капли крови, – продемонстрировал меч с разных сторон, а затем указал им на горный хребет, – а вон там пятьдесят человек, которые никогда больше не будут сражаться под знаменами графа Ренара. Теперь они льют воду на мою мельницу. Они расскажут о принце, убившем графского сына. О принце, который не сдался. Никогда не сдастся. О принце, не обагрившем кровью меча, победившем с тридцатью воинами сотню врагов. Поразмысли об этом, Макин. Я заставил Роддата сражаться как сумасшедшего, я сказал ему: «Если они поверят, что ты не собираешься сдаваться, то сломаются сами». Теперь сбежавшие полсотни станут рас-

сказывать эту историю всем, кто пожелает ее услышать. Историю о принце Анкратов, который никогда не сдастся. Простая арифметика. Уверовавшие в твою стойкость дрогнут сами.

Чистая правда. Может быть, мы победили не поэтому, но все равно правда.

Четыре года тому назад

Указкой меня ударили по запястью, послышался громкий треск, вторую руку зажали в тиски, как только я попытался ее приподнять. Высвободиться не получилось – Лундист держал крепко, хотя был явно удивлен.

– Выходит, вы следите за происходящим, принц Йорг.

Я думал совсем о других, кровавых делах, но по привычке отозвался.

– Надеюсь, вы сможете сформулировать основную идею сказанного мной, – произнес он.

– Мы таковы, каковы наши враги. Данное утверждение применимо как к людям, так и к странам, – ответил я ему. Книгу, принесенную Лундистом на урок, я узнал сразу. То, что враги вынуждают соответствовать им, было ее основополагающим тезисом.

– Хорошо. – Лундист поднял указку и обратился к разложенной на столе карте. – Геллет, Ренар и Топи Кена. Анкрат является продуктом данной среды, хищнической по своей сути.

– Высокогорья Ренара – единственное, что меня интересует, – заявил я. – На все остальное наплевать. – Упершись ногами в пол, покачался на задних ножках стула и продолжил: – Когда отец прикажет выступить против графа Ренара, пойду и собственноручно прикончу его, если позволят.

Лундист пристально посмотрел на меня, пытаюсь понять, действительно ли я способен на такое. Пронзительные голубые глаза старика, казалось, заглянули в самое сердце.

– Десятилетним мальчикам лучше заниматься изучением трудов Евклида и Платона. Отправляясь на войну, следует руководствоваться трудами Сунь Цзы¹. Стратегия и тактика – продукты разума, инструменты принца и короля.

Но мне хотелось действовать. Внутри клокотала жажда мести, требуя смерти графа. По плотно сжатым губам Лундиста я догадался, что он понимает, насколько все серьезно.

Взглянул на высокое окно, откуда в классную комнату струился солнечный свет, превращая пыль в танцующий золотой поток.

– Прикончу его, – произнес я и затем добавил, почувствовав необъяснимое желание ошарашить собеседника: – Да хоть кочергой, как убил ту гориллу Инча.

Я надеялся услышать от Лундиста какое-нибудь откровение. Какой-то совет от умудренного жизнью человека молокососу. Чтобы он объяснил мне, что творится со мной. Но, видно, он тоже не всемогущ.

---

¹ *Сунь Цзы* (Sun Tzu) – китайский стратег и мыслитель, предположительно, живший в VI или, по другим источникам, в IV веке до н. э. Автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны».

Вернул стул в исходное положение и положил руки на карту. Посмотрел на Лундиста. Он был полон сострадания. Так и подмывало довериться ему и рассказать о впившихся колючках, о смерти Уильяма. Разделить с ним непосильную ношу, разъедавшую, словно кислота, боль воспоминаний, ржавчину ненависти.

Лундист перегнулся через стол. Его зачесанные на восточный манер длинные седые, как из серебра, волосы упали, обрамляя лицо.

– Мы таковы, каковы наши враги, но кто они – мы определяем сами. Создай врага из ненависти, Йорг. Сможешь – станешь великим человеком и, что намного важнее, счастливым.

Во мне есть нечто хрупкое, способное сломаться, но есть и жесткость, позволяющая отсечь правильные по сути, но ненужные в данный момент слова. Не думаю, что это во мне появилось в тот день, когда граф Ренар убил мою мать, но именно он вынул из ножен клинок. Часть меня желала сдаться и принять протянутый Лундистом дар.

Но я избавился от той части своей души. К добру или к худу, в тот день она умерла.

– Так когда же выступит Армия Врат? – спросил я, проигнорировав его слова.

– Армия Врат не выступит, – ответил Лундист. Его плечи опустились то ли от усталости, то ли от горечи поражения.

Это стало для меня неожиданностью, я не смог скрыть удивления. Вскочил, опрокинув стул:

– Они выйдут! Как это они останутся?

Лундист направился к двери. Его мантия заколыхалась в такт движению. Я отказывался поверить, стоял, не в силах пошевелиться, руки и ноги словно окаменели. Почувствовал, как жар подступает к щекам.

– Неужели они могут так поступить? – выкрикнул я ему в спину, разозлившись, что веду себя словно ребенок.

– Анкрат окружен врагами, – ответил он, не думая останавливаться. – Войска должны защищать свои земли, а кроме них никто не доберется до графа, укрывшегося в неприступном замке.

– Королева мертва. – Перед глазами всплыло перерезанное горло матери, все стало кровавым. Тернии напомнили о себе внутренним жаром. – Принц убит.

Сломан, словно надоевшая игрушка.

– За все приходится платить. – Лундист остановился, положив руку на дверь, словно нуждался в надежной опоре.

– Кровью и железом!

– Права на реку Катун, три тысячи дукатов и пять арабских скакунов. – Лундист даже не посмотрел в мою сторону.

– Что?

– Речная торговля, золото, лошади. – Наконец он взглянул на меня через плечо своими голубыми глазами и протянул руку к кольцу на двери.

Каждое из произнесенных им слов я способен был осмыслить, но не все вместе.

– Войска... – начал я снова.

– Не двинутся с места. – Лундист открыл дверь. Дневной свет потоком хлынул внутрь: яркий, теплый, наполненный отдаленным смехом беспечных оруженосцев.

– Тогда я пойду один. Он сдохнет от моей руки, он будет орать перед смертью. – Холодная ярость медленно расползлась по телу.

Мне нужен меч, на худой конец острый нож. Лошадь, карта – я схватил лежавшую на столе, границы

выбиты и закрашены индийскими чернилами на старой, пахнущей плесенью коже. Нужно все разузнать поподробнее.

– Но как? Как стало возможным откупиться за их смерть?

– Твой отец заключил союз с королевствами Лошадиного Берега благодаря браку, крепость которого представляла угрозу для графа Ренара. Опасаясь упрочения союза, граф решил нанести удар, устранив жену и наследников. – Лундист шагнул в полосу света, превратившего его седину в серебристый нимб, колыхающийся на легком ветерке. – У твоего отца недостаточно сил, чтобы уничтожить Ренара и отогнать хищников от Врат Дома Анкратов. На это твой дед с Лошадиного Берега никогда не даст согласия, поэтому, стоило союзу рухнуть, Ренар оказался в безопасности. Заключив перемирие, он сможет направить свои войска к другим границам. Приняв выкуп, король фактически обеспечил ему такое перемирие.

Внутри все оборвалось. Я рухнул в бесконечную пустоту.

– Пойдемте, принц, – Лундист протянул руку, – прогуляемся на солнышке. Сегодняшний день не для занятий в классе.

Я скомкал карту, нашел в себе силы улыбнуться, выдавив холодную горькую улыбку, уверенный, что не отступлюсь от задуманного.

– Конечно, дорогой наставник. Давай прогуляемся под солнышком. Такой денек не стоит терять.

И мы вышли во двор, но солнечное тепло не могло растопить лед внутри меня.

**Орудя ножом, не запачкаться
очень трудно, но брату Грумлоу это
удавалось всегда.**

Мы разжились пленником. Это был один из всадников Марклоса, которому не удалось умереть. Плохая новость для него. Макин заставил Барлоу и Райка доставить выжившего ко мне на лестницу дома бургомистра.

– Говорит, что зовется Рентоном. *Сэр* Рентоном, с вашего позволения, – представил рыцаря Макин.

Я внимательно осмотрел пленника. Половину лба украшал великолепный, почти черный кровоподтек, а слишком стремительное объятие с матушкой-землей сплющило нос в большей степени, чем ему бы хотелось. Аккуратно подстриженные прежде усы и борода теперь, перепачканные кровью, являли собой жалкое зрелище.

– Свалился с лошади, Рентон? – полюбопытствовал я.

– Ты зарезал сына графа Ренара, воспользовавшись флагом капитуляции, – заявил он. Причем слова «зарезал» и «сына» из-за сломанного носа прозвучали весьма комично.

– Да, – ответил ему, – даже не представляю, под каким флагом я бы его не прирезал. – Наши взгляды

встретились. А у Рентона-то косоглазие. Едва ли, разодетый в придворные одежды, он производил должное впечатление. Теперь же, на ступенях дома бургомистра, весь в крови и грязи, он, скорее, походил на крысиное дерьмо. – На твоём месте я бы лучше подумал о себе, нежели о том, был ли Марклос зарезан в соответствии с принятыми традициями или нет.

Конечно же, я солгал. На его месте я бы воспользовался любой возможностью, чтобы поглубже вонзить во врага нож. Не сомневаюсь, не все разделяют мои приоритеты. Как говорил Макин, что-то во мне сломалось, но не до такой степени, чтобы забыть, что именно.

– Я из богатой семьи, за меня заплатят выкуп, – произнес Рентон. Он заторопился, разволновавшись, словно только теперь осознал происходящее.

Я зевнул.

– Нет, не из богатой. Были бы богатыми, ты бы не отправился в простецкой кольчуге одним из телохранителей Марклоса. – Я зевнул еще раз, распахнув рот до предела, пока челюсть не щелкнула. – Мейкэл, принеси-ка кружку пива.

– Мейкэл мертв, – произнес Райк из-за спины сэра Рентона.

– Не может быть, – не поверил я, – идиот Мейкэл? Я думал, Господь наделил его удачей, сопутствующей пьяницам и сумасшедшим.

– Ну, почти мертв, – поправился Райк, – один из парней Ренара вогнал ему в брюхо кусок ржавого железа. Мы уложили его в тенечке.

– Очень трогательно, – отметил я. – А теперь принесите мне пива.

Райк нечто прорычал и подтолкнул Джоба исполнять поручение.

Я вновь повернулся к сэру Рентону. Само собой, счастливым его не назовешь, но и грустить он, похоже, не собирался, что было бы естественным в подобном переплете. Его взгляд скользил по отцу Гомсту. Думает небось: «Вот тот, в чьей вере не усомнишься».

– Итак, сэр Рентон, – начал я, – что привело молодого Марклоса в земли, находящиеся под защитой Анкратов? Что это граф о себе возомнил?

Кое-кто из братьев собрался на ступенях в ожидании представления, но большинство продолжило обирать покойников. Деньги, безусловно, штука великолепная и, главное, легко переносимая, хотя на этом братья не остановятся. Полагаю, телега с головами, кроме всего прочего, будет завалена оружием и доспехами еще до того, как придется уезжать отсюда. А также обувкой, – по крайней мере, вон у тех трех трупов отличные башмаки.

Рентон закашлялся и потер нос, размазав загустевшую кровь по физиономии:

– Ничего я не знаю о планах графа, не вхожу в его личный тайный совет. – Он вновь обратился взглядом к отцу Гомсту. – Господь мне свидетель.

Я наклонился пониже. От него несло чем-то неприятным, словно от залежавшегося на солнце куска сыра.

– Господь действительно твой свидетель, Рентон, он, без сомнения, собирается взглянуть, как ты сдохнешь.

Я сделал паузу – пусть осознает услышанное. Улыбнулся старому Гомсти:

– Ты можешь позаботиться о душе этого славного рыцаря, отец. Хотя грехи плоти, скорее, по моей части.

Райк подал кружку пива, я отпил небольшой глоток.

– Если ты, Малыш Райки, устанешь мародерствовать, значит ты устанешь от жизни, – произнес я мно-

гозначительно. Послышались смешки братьев, стоящих на ступенях. – Почему ты все еще здесь, ведь мог бы расчленить парочку трупов в поисках золотой печени?

– Пришел глянуть, как станешь пытаться Крысиную Морду, – ответил Райк.

– В таком случае должен тебя разочаровать, – заметил я, – поскольку сэра Крысиная Морда собирается выложить все, что я пожелаю, мне даже голоса не придется повышать. Когда все узнаю, собираюсь передать его новому бургомистру Норвуда. Возможно, фермеры захотят зажарить вояку живьем, и тогда он решит, что еще легко отделался. – Я нарочно затеял этот разговор. Угрозы, произносимые без лишних эмоций, быстрее доходят до сознания.

В топах я напугал мертвяка всего лишь тем, что раскрыл перед ним свой внутренний мир. Интересно, а можно устроить подобным образом живого?

Однако сэр Рентон не выглядел сильно напуганным.

– Сегодня ты зарезал превосходившего тебя, юнец, еще один находится перед тобой. Ты не стоишь говна на моих подошвах.

Я задел-таки его гордость. Он был рыцарь, и безбородый мальчишка насмеялся над ним. Лучшее, что я мог ему предложить, было простое сожжение. Легкая смерть по нынешним временам.

– Мне было девять, когда граф Ренар впервые попытался убить меня, – произнес я. Невозмутимость в голосе далась без усилий, да и незачем было кипятиться. Гнев не страшен – он предсказуем. Гневу сопутствует быстрая развязка, пускай даже и кровавая. – Граф потерпел неудачу, но на моих глазах убили мать и младшего брата.

– Все люди смертны, – заявил Рентон, сплюнув темный кровавый сгусток на ступени. – Что же делает тебя таким особенным?

Верно подмечено. Чем моя потеря, моя боль превосходила боль других?

– Хороший вопрос, – отметил я. – Чертовски хороший вопрос.

Среди пленников, двигавшихся с колонной Маркло-са, почти у каждого убили сына, отца, мать или возлюбленную. Убили за последнюю неделю. Если крестьяне его просто сожгут, это будет милосердием по сравнению с тем, что я увидел четыре года назад.

– Можешь считать меня избранным. У кого есть дар, тот и избран. Кому-то достается дар владения луком, – кивнул в сторону нубанца. – Он может попасть в глаз быку с тысячи шагов. Он не прилагает больше усилий, чем остальные, просто стреляет метче, потому что избран. Что касается меня, я просто умею мстить лучше всех. Таков мой дар.

Рентон засмеялся и снова сплюнул. В сгустке я рассмотрел осколок зуба.

– Думаешь, ты страшнее огня, малец? – спросил он. – Я видел, как сжигают людей, и не раз.

Опять попал в точку.

– У тебя хорошие доводы, сэр Рентон, – заметил ему.

Я оглянулся на руины. Рухнувшие стены, почерневшие деревянные остовы, над которыми крыши в прежние времена защищали жителей от ненастья.

– Много сил уйдет на то, чтобы отстроить здесь все заново, – произнес я, – потребуется много дерева и гвоздей. – Глотнул пива. – Занятно, именно гвозди скрепляют строения, но они же наилучшим образом подходят для расчленения человеческого тела на

составляющие. – Я пристально взглянул в крысячьи глаза сэра Рентона, темные глаза-бусинки. – Пытка не доставляет мне удовольствия, сэр Рентон, хотя в ней я хорош. Конечно, не лучший в мире, но все же. Самые лучшие палачи получают из трусов. Они знают, что такое страх и как на нем сыграть. А вот из героев выходят посредственные палачи. Они не понимают обычных смертных. У них все перепутано в голове, они думают только о том, как бы оскорбить твою честь. Трусуплевать на честь, он привяжет тебя к стулу и разведет под ним тлеющий огонек. Я не трус и не герой, просто умею пытаться.

На этот раз у Рентона хватило здравого смысла побледнеть. Он протянул грязную руку к отцу Гомсту:

– Отец, я лишь служил своему господину.

– Отец Гомст помолится за твою душу, – заверил я, – и отпустит мне грехи, когда я освобожу ее от брэнного тела.

Макин скривил мясистые губы:

– Принц, вы как-то рассуждали о том, что прервете порочный круг мести. Можете начать прямо сейчас. Отпустите сэра Рентона.

Райк посмотрел на него, как на сумасшедшего. Толстяк Барлоу осторожно хихикнул.

– Да, говорил, Макин, – произнес я в ответ. – Разорву круг. – Достал меч и положил на колени. – А ты знаешь, как разорвать круг мести? – спросил я.

– Любовью, – высказался Гомсти.

Все вокруг притихли, прислушиваясь.

– Разорвать круг означает убить всех ублюдков, дождавшихся тебе, – пояснил я. – Всех до единого. Убить их. Убить их матерей, братьев, детей и даже собак. – Провел пальцем по лезвию меча и подождал, пока из пореза не вытечет темно-красная капля крови. – Люди ду-

мают, что я ненавижу графа, на самом деле я – большой поклонник его методов. У него лишь два недостатка. Во-первых, он заходит недостаточно далеко. Во-вторых, он – не я. Однако граф все же преподал мне несколько бесценных уроков, поэтому, когда мы встретимся, обязательно поблагодарю его, предав быстрой смерти.

Тут отец Гомсти затыкнул:

– Граф Ренар плохо поступил с вами, принц Йорг. Простите его, но не благодарите. Он будет гореть в аду за свои злодеяния. Его бессмертной душе предстоит вечно корчиться в муках.

Пришлось громко рассмеяться.

– Вот уж эти священники, не правда ли? Начинают с любви, затем вещают о прощении, а заканчивают вечностью в огне. С огнем у нас полный порядок, сэр Рентон, а про вашу бессмертную душу я еще не решил. Даю на размышления день, может, два. Самое большее – три. Я не самый терпеливый человек на земле, поэтому закончим, как только вы мне расскажете то, что я желаю узнать.

Я поднялся со ступеней, подошел и, наклонившись, погладил сэра Рентона по голове. У него были связаны руки, а кусаться бесполезно, ведь на моих руках латные рукавицы.

– Я поклялся графу Ренару, – упрямо произнес он, пытаясь отклониться и поворачивая голову так, чтобы видеть старого Гомста. – Скажите ему, отец, я поклялся перед Богом. Если нарушу клятву, буду гореть в аду.

Гомст подошел и положил руку ему на плечо:

– Принц Йорг, этот рыцарь принес священную клятву. Существует всего несколько священных обетов выше того, который приносит рыцарь своему сюзерену. Вам не следует настаивать на нарушении данного

обета, также никто не должен угрожать расправой над плотью, подталкивая к предательству и тем самым отправляя душу в адский огонь.

– В таком случае, сэр Рентон, вам предстоит подвергнуть испытанию свою преданность, – заметил я. – Расскажу свою историю; когда закончу, посмотрим, захотите ли вы раскрыть планы графа. – Я устроился на ступеньке рядом и глотнул пива. – Когда я однажды выбрал этот путь, мне было, ох, всего-то десять. Увидел, как люди графа убили моего брата Уильяма и выпотрошили мать. Тогда понял, что все, чему меня учили, было неправильным. Как результат – связался с дурной компанией, верно, Райки?

Райк издал свой коронный смешок «кхе-кхе-кхе». По его разумению, это заменяло хохот. Хотя весельем в нем и не пахло.

– Тогда же пристрастился к пыткам. Вопрошая себя, должен ли я стать воплощением зла, подумал: может, Господь возложил на меня работу дьявола?

Я расслышал, как Гомст забормотал молитву, а может, и проклятие. Это была правда. Долго я искал во всем происходящем послание, пытаюсь понять свое предназначение.

Я опустил руку на плечо Рентона. Он так и сидел: моя рука на левом плече и рука Гомста – на правом. Словно между дьяволом и ангелом из старинных свитков, нашептывающими в уши.

– Мы захватили епископа Мурильо у Джедмайр Хилл, – продолжал я. – Уверен, ты слышал о провале его миссии? Так вот, братья позволили мне забрать епископа себе. В то время я был у них чем-то вроде талисмана.

Нубанец поднялся и начал спускаться с холма. Я позволил ему уйти. Он – не любитель подобных открове-

ний, ему казалось, они его оскверняют. Мне нравился нубанец, хотя я не подавал вида.

– Итак, епископ Мурильо был полон резких слов и суждений. Много чего наговорил об адском огне и осуждении на вечные муки. Мы даже некоторое время обсуждали предназначение души. Потом я вогнал ему в черепушку гвоздь. Прямо сюда. – Я вытянул руку и дотронулся до места на грязной голове Рентона. Тот отдернулся назад, как ужаленный. – Тогда епископ слегка сменил тон общения, – продолжил я свой рассказ. – Он менял его всякий раз, когда в его башке оказывался новый гвоздь. Спустя какое-то время он стал совершенно другим. Мог ли ты предположить, что человека можно изменять таким образом? Первый гвоздь навеивает детские воспоминания. Следующий вызывает гнев или плач, может быть, смех. В конце осознаёшь, что мы – всего лишь игрушки, нас легко сломать, но трудно починить.

Слышал, монахини в Сент-Алстис до сих пор заботятся о епископе Мурильо. Сейчас он опять изменился. Говорят, он перенял тамошние привычки и чешет всякие непристойности. А где же душа того гордого и праведного человека, которого умыкнули из папского каравана, – право, не могу ответить.

Затем в моей руке волшебным образом появился гвоздь. Покрытый ржавчиной трехдюймовый гвоздь. Пленник обмочился. Прямо там, на ступенях. Барлоу выругался и врезал ему посильнее. Когда Рентон очухался, сразу рассказал все, что знал. Это заняло около часа. Затем мы выдали его местным для сожжения.

Было забавно наблюдать, как добропорядочные жители Норвуда пляшут вокруг жертвенного костра. Я долго смотрел на языки пламени, взмывающие над голо-

вами. В огне есть какое-то откровение, словно нечто начертано изнутри. Кое-кто утверждает, что понимает его. Только не я. Хотя было бы замечательно найти ответы на некоторые вопросы в извивающихся языках пламени. У меня были вопросы. Например, зачем жажда графской крови вывела меня на этот путь? Правда, каким-то образом мне удалось ее приглушить. Как-то смог отрешиться и внушил себе, это всего лишь еще одна жертва во имя будущего могущества.

Я потягивал пиво. Четыре года в пути. Вечно куда-то направляешься, вечно что-то предпринимаешь, но теперь, когда носки башмаков смотрели в сторону дома, создалось впечатление – все это время я был сам не свой. Как потерянный, а может, ведомый.

Попытался вспомнить, когда именно отказался от мести графу и почему. Ответа я так и не нашел, какое-то мимолетное видение руки на дверной ручке и чувство падения куда-то в бесконечность.

– Собираюсь вернуться домой, – произнес я.

Тупая боль за глазами, словно поржавевший гвоздь, глубоко вогнанный в плоть. Допил пиво, не чувствуя вкуса. Во мне проснулась лишь изначальная жажда.

Четыре года тому назад

Я последовал за Лундистом во двор.

– Стой, – он коснулся указкой моей груди, – пора открыть тебе глаза. Даже собственный замок, где все кажется таким знакомым, в действительности таит множество секретов.

Мы некоторое время стояли на ступенях, щурясь на солнце, согреваемые его лучами. Освобождение из полумрака учебного класса не стало неожиданностью. Четыре дня из семи мне приходилось проводить с Лундистом: иногда в классной комнате, обсерватории или библиотеке, но чаще в поисках чего-нибудь занимательного. Был ли то механизм осадных машин, хранящихся в Арнхейм-холле, или секрет встроенного светильника, освещавшего без видимого пламени соляное хранилище. Каждый уголок Высокого Замка мог многому научить, и только Лундист был способен выявить то, что скрыто от взора непосвященного.

– Слушай, – произнес он.

Я знал эту игру. Лундист считал, что наблюдательный человек способен составить обо всем независимое

суждение. Сможет найти выход из любого положения, тогда как остальные, столкнувшись с препятствиями, не станут вникать в ситуацию глубже.

– Слышу, как дерево стучит о дерево. Учебные мечи. Оруженосцы развлекаются, – ответил я.

– Не все считают это развлечением. Сосредоточься! Что еще?

– Слышу пение птиц. Жаворонков. – Вот она, серебряная череда звуков, струящаяся с небес, сладкозвучная и невесомая настолько, что сразу не заметил.

– Сосредоточься.

Закрыл глаза. Что же еще? Под опущенными ресницами зеленый сменился красным. Удары мечей, возгласы, чье-то тяжелое дыхание, приглушенное шарканье ботинок о камни, песня жаворонков. Что же еще?

– Трепетание. – Нечто неуловимое на самом краю восприятия, – возможно, только показалось.

– Хорошо, – заметил Лундист. – Что это?

– Не крылья. Они звучали бы сильнее. Что-то на ветру, – ответил я.

– Во дворе, где мы стоим, нет ветра, – произнес наставник.

– Тогда высоко над нами. – До меня дошло. – Флаг!

– Какой флаг? Не смотри. Подумай и скажи. – Лундист сильнее вдавил указку.

– Это не праздничный флаг. Не флаг короля, развевающийся на северной стене. Не знамя, мы не на войне. – Нет, точно не знамя. Весь пыл пропал при одном воспоминании о выкупе графа Ренара. Интересно, если бы они и меня убили, насколько поднялась бы цена прощения? На одну лошадь?

– Ну? – поторопил Лундист.

– Флаг казни, черное на ярко-красном, – уточнил я.

Со мной всегда так. Ответы приходят спонтанно: ты перестаешь анализировать, просто говоришь первое, что приходит на ум. Лучший план возникает по ходу действия.

– Хорошо.

Открыл глаза. Свет больше не слепил. Высоко над внутренним двором на едва уловимом западном ветерке трепетал флаг казни.

– Твой отец приказал освободить темницы, – произнес Лундист, – так что в День святого Криспина народа прибавится.

Я-то знал, тут яблоку негде будет упасть.

– Смерть через повешение, обезглавливание или сажание на кол, боже правый!

Интересно, попытается ли Лундист оградить меня от такого развлечения. Уголок рта дернулся, когда промелькнула мысль, может, он все еще думает, что я не видал ничего хуже. Во время массовых казней в прошлом году мать забрала нас с собой, решив нанести визит лорду Носсару в его поместье в Ильме. Ильмская крепость была фактически в нашем с Уильямом распоряжении. Позднее я узнал: большая часть Анкратов тогда же стекалась в Высокий Замок, чтобы присутствовать на казнях.

– Страх и развлечения – основа существования государства, Йорг. – Голос Лундиста звучал равнодушно, вот только выражение лица, сдержанная напряженность губ выдавали, что самому ему это не по нутру. – Смертная казнь включает в себя обе составляющие. – Он посмотрел на флаг. – До того как я отправился путешествовать и взялся прислуживать твоей матери, жил в Линге. На Внешнем Востоке причинять боль считается одним из видов искусств. Репутация правителей и их подданных зависит исключительно от

изошренности применяемых пыток. Они состязаются в этом.

Мы наблюдали за учебным боем оруженосцев. Высокий рыцарь напутствовал их, иногда в ход шли кулаки.

Несколько минут я молчал. Представил графа Ренара во власти мастеров пыток из Линга.

Ну нет, его кровь и смерть будут моими. Пусть сдохнет, зная, за что и в чьих руках меч возмездия. А как же его боль? Пускай горит в аду.

– Напомни мне, наставник, чтобы в Линг я не свался, – попросил его.

Лундист улыбнулся и направился через двор:

– Его нет даже на картах твоего отца.

...Когда проходили мимо места поединка, по доспехам я узнал рыцаря: ослепительно-яркая броня с орнаментом в виде завитков, вытравленным на инкрустированном серебре нагруднике.

– Сэр Макин из Трента, – позвал я, повернувшись к нему лицом. Лундист прошел несколько шагов прежде, чем заметил мое отсутствие.

– Принц Онорос. – Сэр Макин поприветствовал меня, отвесив придворный поклон. – Держи защиту выше, Чивес! – гаркнул он одному из старших мальчиков.

– Зови меня Йорг, – попросил я. – Слышал, отец назначил тебя капитаном Имперской гвардии.

– Он был недоволен моим предшественником, – заметил сэр Макин. – Надеюсь исполнять свои обязанности к большому удовольствию короля.

Я не видел сэра Грэхема с момента нападения на карету. Полагаю, за случившееся капитан Имперской гвардии заплатил намного дороже, чем граф Ренар.

– Будем надеяться, – ответил я.

Макин провел рукой по волосам, потемневшим от пота, стекающего каплями из-за стоявшей в тот день

жары. Выражение его одутловатого лица не позволяло усомниться – характера ему не занимать.

– Не желаете ли присоединиться, принц Йорг? Хороший правый ложный выпад послужит вам namного лучше любых книг. – Его рот растянулся в улыбке. – Если, конечно, ваши раны полностью зажили.

Лундист положил руку мне на плечо:

– Раны все еще беспокоят принца. – Он буквально буравил сэра Макина своими пронзительными голубыми глазами. – Вам бы следовало прочитать труд... Проксимуса о защите особ королевской крови. Если вы, конечно, желаете избежать участи сэра Грэхема. Книга в библиотеке. – Он пошел вперед, желая увлечь меня за собой. Но я не сдвинулся с места исключительно из принципа.

– Полагаю, принц сам разберется, что ему нужнее, наставник. – Сэр Макин улыбнулся Лундисту еще шире. – Ваш Проксимус пусть прибережет советы для себя. Рыцарь доверяет собственным суждениям и уповаает лишь на свой меч.

Сэр Макин достал деревянный меч из корзины слева и протянул мне рукоятью вперед:

– Давайте, мой принц. Посмотрим, на что вы годны? Не желаете ли сразиться против Стода? – Он указал на самого маленького из оруженосцев, худощавого паренька, кажется, всего лишь на год старше меня.

– Против него, – указал я на самого большого из них, на неотесанную деревенщину лет пятнадцати с копной рыжих волос. Взял протянутый меч.

Сэр Макин вскинул бровь, рот растянулся, казалось, до предела.

– Робарт? Сразитесь против Робарта прямо сейчас? – Он подошел к мальчику и обхватил сзади за шею. – Это Робарт Хул, третий сын из Дома Арнов.

Из всего несчастного семейства, возможно, только ему однажды выпадет шанс заработать шпоры. Наш Мастер Хул расчистит себе путь клинком. – Макин покачал головой. – Лучше попробуйте Стода.

– Никого не пробуйте, принц Йорг. – Лундист едва сдерживал раздражение в голосе. – Глупее затеи не придумаешь. Вы еще не до конца поправились. – Он бросил взгляд на ухмыляющегося капитана Гвардии. – Добром это не кончится, когда король Олидан узнает, отчего ухудшилось здоровье единственного наследника.

Сэр Макин нахмурился, – видно, подобная осторожность шла вразрез с его понятием о чести.

– Полегче с ним, Робарт. Действуй мягче.

– Если этот рыжий олух не покажет мне лучшее, на что способен, пусть пеняет на себя, уж я позабочусь, чтобы его путь в рыцари завершился уборкой лошадиного навоза на рыцарских турнирах, – заявил я возмущенно.

Я шагнул к оруженосцу, подняв голову, чтобы видеть его лицо. Сэр Макин встал между нами с тренировочным мечом в левой руке:

– Сначала маленькое испытание, мой принц. Я должен убедиться в наличии у вас базовых знаний, а то еще покалечитесь.

Сперва он кончиком своего меча ударил по моему мечу, затем нацелился мне прямо в лицо. Я отвел удар в сторону и сделал полувыпад. Рыцарь изящно отбил мой колющий удар; я попытался обойти его защиту, но он рубанул по ногам, и я едва устоял.

– Неплохо, совсем неплохо. – Он склонил голову. – Вам преподали вполне приличные уроки. – Скривил губы. – Вам сколько? Двенадцать?

– Десять. – Я видел, как он сунул тренировочный меч обратно в корзину. Ага, он правша.

– Хорошо. – Сэр Макин расставил оруженосцев, образовав вокруг нас круг. – Давайте начнем поединок. Робарт, не жалея принца. У него хватит мастерства проиграть без причинения серьезного ущерба своему здоровью, чего не скажешь о гордости.

Робарт встал в боевую стойку напротив меня, весь в веснушках и пышущий самоуверенностью. Казалось, время остановилось. Я ощущал, как припекает солнце, гравий чувствовался под подошвой ботинок.

Сэр Макин воздел руку:

– Приготовьтесь.

Я слышал серебряные голоса жаворонков, невидимых на голубом небосводе над нами. Различал трепетание флага казни.

– Начали! – Он резко опустил руку.

Робарт быстро приблизился и нанес боковой удар снизу. Я выронил меч. Его атака была нацелена на мой правый бок там, где кончаются ребра. Не будь меч деревянным, рассек бы меня пополам. Но это всего лишь деревяшка. Я изловчился и ткнул его в горло кончиками пальцев руки – восточный прием, преподанный Лундистом. Робарт рухнул, словно на него свалилась стена.

Я наблюдал, как он корчится от боли, но внутренним взором видел Инча в Доме Исцеления, он ползал на карачках посреди бушующего пламени, из спины хлестала кровь. Я чувствовал яд, струящийся по венам, тернии, врезавшиеся в плоть, животную потребность убивать как самую яркую эмоцию из всех, какие когда-либо ощущал.

– Нет. – Я увидел руку Лундиста на запястье, он удерживал меня, чтобы я не приблизился к мальчишке. – Довольно.

«Нет, не довольно», – произнес внутренний, не принадлежащий мне голос, тот, который я слышал в ко-

лючем кустарнике и потом, когда метался в постели от жара.

Еще несколько мгновений смотрел на паренька, задыхающегося на земле, побагровевшего.

Странное чувство покинуло меня. Я поднял меч и вернул сэру Макину.

– Вообще-то, Проксимус скорее твой капитан, а не Лундиста, – произнес я. – Он был ученым из рода Борта и жил в седьмом веке. Выходит, один из твоих предков. Может, все-таки стоит прочитать его труд. Не хотелось бы оказаться на настоящей войне вместе с Робартом и вашей наукой.

– Но... – Сэр Макин закусил губу, казалось исчерпав все аргументы со словом «но».

– Он смухлевал. – Зато юный Стод нашел нужные слова.

Лундист уже вышагивал впереди, я повернулся, чтобы последовать за ним, пришлось обернуться.

– Это не игра, сэр Макин. Обучая этих мальчиков биться по правилам, вы обрекаете их на поражение. Запомните, это не игра.

Если ошибешься, не купишь себе свободу. Ни лошадами, ни золотом.

Мы подошли к Красным Воротам на дальней стороне двора.

– Тот мальчик мог погибнуть, – заметил Лундист.

– Знаю, – ответил я. – Отведи меня к заключенным, которых отец собирается казнить.

Четыре года тому назад

Большая часть Высокого Замка расположилась под землей. Правильнее было бы назвать его Глубокий Замок. Спуск в подземелье занял довольно много времени. Сверху до нас доносились резкие звуки, проникающие сквозь толщину перекрытий.

– Полагаю, зря мы сюда пришли, – заметил Лундист, остановившись у железной двери.

– Я кое-что придумал, наставник, – ответил я ему. – Возможно, ошибаюсь, но, говорят, на ошибках учатся.

Раздался вопль, перешедший в хрип. Нечто душевраздирающее.

– Твой отец вряд ли одобрит наш визит, – сказал озабоченный Лундист, крепко сжав губы в узкую полоску.

– Не припомню, чтобы прежде тебя волновало одобрение короля, когда нужно было принять какое-либо решение. Стыдись, наставник Лундист. – Теперь меня уже ничто не могло остановить.

– Есть вещи, которые детям...

– Слишком поздно: лошадь пристрелена, конюшня сожжена.

Я прошмыгнул мимо него и эфесом кинжала забарабанил в дверь:

– Открывай!

Звяканье ключей, дверь на смазанных маслом петлях плавно подалась внутрь проема. Я едва не задохнулся от накатившей волны зловония. Из чрева выступил покрытый бородавками старик в кожаной одежде надзирателя, разинул рот, намереваясь что-то произнести.

– Не стоит, – посоветовал я, нацелив острие кинжала ему в рот.

Вошел внутрь, наставник за мной.

– Лундист, ты всегда напутствовал: смотри, доверяй только собственным суждениям, – припомнил я ему. За это и уважал. – Сейчас не время быть щепетильным.

– Йорг... – По голосу я понял: его раздражает противоречие между чувствами, которые мне не дано понять, и логикой, которую я понимаю. – Принц...

Снова вопль, теперь намного громче. Подобный я слышал раньше. Он давил, заставлял уйти. Похожий крик боли исторгся когда-то из уст моей матери. Уйти не получалось, что-то удерживало. Признаюсь, то были шипы терновника, вцепившиеся в меня. Могу показать шрамы. Тогда ночью, еще до кошмарных снов, какой-то голос нашептывал: мол, это всего лишь страх, охвативший меня, ужас, сковавший в колючках, обезопасивший на то время, пока убивали родных.

Опять вопль, еще ужасней и отчаянней, чем до этого. Колючки впились в тело.

– Йорг!

Я вырвался из рук Лундиста и побежал на звук.

Далеко бежать не пришлось. Резко остановился у входа в просторную комнату, освещаемую факелами. С трех сторон три двери вели в камеры. Посередине стоял стол, к которому цепями был прикован мужчи-

на, по бокам от него стояли двое. Тот из тюремщиков, что поздоровее, держал железную кочергу, опустив ее в чан с раскаленными углями.

Никто из троих не заметил моего появления, то же самое можно было сказать об узниках из других камер, прильнувших к железным прутьям решеток. Я вошел внутрь, Лундист тоже добрался до входа и застыл в растерянности.

Я приблизился, второй тюремщик взглянул наконец в мою сторону, подпрыгнув, словно ужаленный.

– Какого... – тряхнул он головой, будто сбрасывая пелену с глаз. – Кто? Спрашиваю...

Когда-то палачи представлялись мне страшными личностями с жуткими мордами, истонченными губами, крючковатыми носами и глазами бездушных демонов. Действительность ввергла в шок: обычные люди. Тот, что послабее, – эдакий свой в доску парень. Мухи не обидит.

– Кто таков? – Второй был явно жестче, но я с легкостью мог представить его с кружкой эля, смеющимся или обучающим сына игре в мяч.

На мне не было придворной одежды, только простая туника для занятий в классе. Вряд ли тюремщики могли догадаться, кто перед ними. Скорее всего, они спускаются в подземелье через Ворота Преступников и никогда не появляются на верхних этажах замка.

– Меня зовут Йорг, – произнес я, подражая говору слуг. – Мой дядя заплатил старику Бородавочнику у дверей, чтобы я мог посмотреть на заключенных. – Я указал на Лундиста. – Завтра собираемся пойти на казни. Но сначала я хотел увидеть преступников вблизи.

Больше я не смотрел на тюремщиков. Взгляд был прикован к узнику на столе. До этого мне лишь однажды довелось видеть чернокожего – раба одного дворя-

нина с юга, приехавшего посетить отцовский двор. Но кожа у того была коричневой, а у прикованного – чернющая. Он повернул голову в мою сторону, медленно, словно она была из свинца. Белки глаз, казалось, сияли на фоне сплошной черноты.

– Бородавочника? Ха, мне это нравится. – Здоровьяк расслабился и вновь схватился за железяку. – Если там было два дуката для меня и Греббина, думаю, ты можешь остаться и послушать, как визжит этот приятель.

– Беррек, не думаю, что это правильно. – Широкий лоб Греббина покрылся морщинами. – Он слишком молод, да и...

Беррек вытащил конец кочерги из углей и ткнул ей в сторону Греббина.

– Ты же не хочешь лишить меня дуката, друг.

Обнаженная грудь чернокожего блестела вблизи раскаленного кончика орудия пыток. Уродливые ожоги обозначили ребра, красная плоть вздымалась как борозды только что распаханного поля. Чувствовался сладковатый запах поджаренного мяса.

– Он очень черный, – заметил я.

– Нубанец – вот он кто, – пояснил Беррек, нахмурившись. Затем критически осмотрел конец кочерги и отправил обратно в угли.

– Зачем вы его поджариваете? – поинтересовался я. Под пристальным взглядом нубанца мне стало как-то не по себе.

Вопрос их озадачил. Греббин нахмурился еще сильнее.

– Внутри у него дьявол, – наконец ответил Беррек. – Во всех нубанцах он есть. Они все – дикари. Говорят, отец Гомст, духовник самого короля, велит сжигать язычников. – Беррек положил ладонь на живот плен-

ника, волнующе нежное прикосновение. – Вот мы и подурмяниваем одного из них перед тем, как завтра король насладится его убийством.

– Казню. – Похоже, Греббину не раз приходилось произносить это слово.

– Казню, убийством – какая разница? Все они отправятся на корм червям. – Беррек сплюнул на угли.

Нубанец смотрел на меня изучающе. Я ощутил что-то, чему не мог придумать названия. Чувствовал себя не в своей тарелке, находясь там. Крепко сжал зубы, встретившись с ним взглядом.

– В чем он виноват? – спросил я.

– Виноват? – фыркнул Греббин. – Он – узник.

– Его преступление? – уточнил я свой вопрос.

Беррек пожал плечами:

– Позволил себя схватить.

В дверном проеме заговорил Лундист:

– Полагаю... Йорг, все заключенные, осужденные на смертную казнь, – бандиты, схваченные войсками Приграничных земель. Король приказал принять меры для предупреждения налетов с Дороги Нежити на Норвуд и другие протектораты.

Я перевел взгляд с лица нубанца на отметины, оставшиеся после пыток. Нетронутая кожа и бугрящиеся шрамы образовывали некий узор, с виду простой, но от которого трудно было оторваться. На бедра накинута грязная повязка. Запястья и лодыжки закованы в железные кандалы, закрытые на обыкновенный штифтовой замок. Кровь медленно стекала по коротким цепям, прикрепленным к столу.

– Он опасен? – спросил я, приблизившись. Здесь запах горелого мяса ощущался особенно сильно.

– Да, – улыбнулся нубанец, обнажив окровавленные зубы.

– Эй, ты, заткни свою языческую глотку. – Беррек резко выдернул железяку из углей. Когда он приподнял раскаленный добела конец повыше, водопад искр взмыл вверх, придав лицу тюремщика какое-то уродское выражение. Оно напомнило мне о той жуткой ночи, когда молния осветила лицо графа Ренара.

Я повернулся к нубанцу. Если б он смотрел на кочергу, то я оставил бы его с ней наедине.

– Ты опасен? – спросил я строго.

– Да.

Я выдернул штифт из наручника на правом запястье.

– Докажи.